

МАША ТРАУБ

Новые семейные
обстоятельства

Проза Маши Трауб. Жизнь как в зеркале

Маша Трауб

Новые семейные обстоятельства

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Трауб М.

Новые семейные обстоятельства / М. Трауб — «Эксмо»,
2023 — (Проза Маши Трауб. Жизнь как в зеркале)

ISBN 978-5-04-190781-5

Эта книга – попытка запечатлеть жизнь. Читать ее – все равно что просматривать фотопленку и перебирать кадр за кадром. Фотограф, чтобы остановить мгновение, щелкает затвором камеры. Писатель – открывает ноутбук, блокнот, хватает со стола салфетку. Да что угодно – лишь бы передать настроение, эмоцию. Когда вы будете читать эти зарисовки обычной жизни обычных людей – матери троих детей Кати, хозяйки салона красоты Карины и ее мужа Самвела, самой Маши и ее близких и друзей – эмоции у вас будут самые разные: от безудержного смеха до светлой грусти. Но главное – вы забудете о собственных проблемах и неурядицах и убедитесь в том, что жизнь разнообразна. И, пока мы живем, она продолжается.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190781-5

© Трауб М., 2023
© Эксмо, 2023

Маша Трауб

Новые семейные обстоятельства

© Трауб М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Однажды мой муж произнес замечательную фразу: «Режиссер всю жизнь снимает один и тот же фильм. А писатель пишет одну книгу, длиною тоже в жизнь».

Эта книга – скорее дневник, очень личный и искренний. В ней ничего не придумано, все честно. Герои названы своими именами – это мои подруги и их дети, знакомые, приятельницы. Через эти крошечные заметки, наблюдения, смешные диалоги я и хотела показать нашу с вами жизнь. Да, бывает страшно, часто падаешь от усталости и груза ответственности, живешь будто на автомате, попадая в день сурка. Но жизнь – очень интересное приключение. Особенно когда в ней есть дети.

* * *

Много лет назад. Я, молодой, начинающий автор, приехала на встречу с читателями. В большом зале были заняты два стула в разных углах. Две милые с виду женщины. Они что-то читали и, когда я начала говорить, посмотрели на меня с укоризной – я им явно мешала. Они хотели читать в тишине. Встреча закончилась, так и не начавшись.

Издательство выбрало для меня прекрасный отель, в самом центре. Утром я не могла избавиться от запаха плесени. Перенюхала все – постельное белье, мини-бар, но оказалось, что плесенью или тинной пахну я. Причем вся – с ног до головы, благоухаю так, будто только вылезла из болота. И никакие духи этот запах не перебивают. Я подошла к девушке на ресепшен и спросила, мол, может, что-то с водой?

– Конечно! – радостно подтвердила та. – У нас вода прямо из Невы!

– А почему я пахну канализацией? – уточнила я.

– Душ принимали? Тогда как еще вы должны пахнуть? – удивилась девушка. – Или вам что-то не нравится? – она уничтожила меня взглядом.

Тут я поняла, что да, ничего не понимаю.

* * *

Следующий приезд в Питер. Запланировано интервью. Брать его приходит женщина в перчатках-митенках и шляпке с вуалью. Ну да, день, центр города, кафе, как же без вуалетки? Отчаянно надеюсь, что дама не по мою душу, но нет, идет к моему столику. Я специально смотрю на часы – она опоздала на двадцать пять минут. Дама игнорирует намек и сразу же объявляет, что она меня не читала и читать не собирается. Спрашивает, почему я не люблю животных. Отвечаю, что люблю и даже очень. Говорит, что я не могу писать о романах, раз замужем. Отвечаю, что могу, для этого не обязательно иметь связи на стороне. Шляпка презрительно вздрагивает. Спрашиваю: с чего вы сделали такие выводы, раз не читали?

– Мне достаточно на вас взглянуть, – хмыкает дама, будто я на ее глазах поковыряла в носу и вытерла козявку о занавеску. Видимо, отсутствие митенок и шляпки приравнивается к козявкам.

– Простите, мне просто любопытно. Вы опоздали на двадцать пять минут и даже не извинились. Это нормально? – спросила уже я.

– Вы не понимаете и никогда не поймете, потому что вы не писатель. – Вуалетка презрительно вздрогнула.

– Ну а все же? – настаивала я.

– У нас здесь впереди вечность. Она в воздухе, – с вызовом ответила вуалетка и ушла, не попрощавшись.

Интервью, кажется, так и не вышло в печать. А я теперь говорю про тех людей, кто опаздывает, «у них впереди вечность».

* * *

Уже в Москве. Прихожу на встречу в темных очках. Миллион раз извиняюсь, объясняю, что у меня воспаление слезных каналов. До этого несколько раз ездила на промывание. То еще удовольствие – будто тебе в мозг заливают воду. А там, в смысле в мозге, и так с утра гулкая пустота. Теперь в этой пустоте еще и плещется что-то, но явно не мозги.

Я считала, что боль в ухе – тяжело. Но нет: когда болят глаза и их хочется вынуть, прополоскать и вставить снова – вот это тяжело. На той встрече я что-то рассказывала, утирая льющиеся слезы и сдерживая желание расчесать глаза.

Уже после, на выходе, слышу разговор женщин, собравшихся кружком.

– Жалко ее, – говорит одна.

– Да ладно, бухает она! – отвечает вторая.

– Может, правда глаза? – предполагает третья.

– Да, глаза и бухает, – ставит диагноз вторая.

Та же история повторилась, когда у меня начались проблемы со связками. Несколько раз выступала с больным горлом, на таблетках. Как назло – встречи одна за другой, некоторые без микрофона, приходилось чуть ли не кричать. После чего я онемела в буквальном смысле слова. Потом начала сипеть. Пошла к врачу. Несмыкание связок. Таблетки, процедуры, занятия со специалистами-фониатрами. Или – низкий голос с хрипотцой. Даже не или – все равно хрип останется. Совет – не шептать, будет хуже. Говорить как можно громче. В молодости у меня был высокий голос. На выступлениях по радио всегда просили говорить на тон или два ниже. Высокие голоса плохо звучат в эфирах. И вот наконец я обрела голос, о котором всегда мечтала. Тот, который называется «радийный» – низкий, вкрадчивый.

– Ты болеешь? – спрашивали знакомые первое время. Потом привыкли.

– Вы простужены? – спрашивали на встречах ведущие, организаторы и прочие лица.

Мне было больно не то что говорить – даже дышать. Я не управляла собственным голосом, который мог пропасть в любой момент. До выступлений, как советовали врачи, старалась молчать. После – если бы и хотела, не могла говорить. Голос пропадал начисто. Даже издать звук была не способна. Но к этому быстро привыкаешь. На очередной встрече я заранее извинилась, если вдруг начну хрипеть, сопеть, неметь и издавать невнятные всхлипы. После услышала разговор.

– Да курит она, как сантехник, – авторитетно заявляла одна из женщин, пришедших на встречу.

Почему как сантехник, я очень хотела уточнить. Обычно говорят, «курит, как паровоз» или «как сапожник». Или пьет, как сапожник? Да, точное выражение – «пьет, как сапожник, ругается, как извозчик, а курит, как старый солдат». О чем я и сообщила женщине. Та посмотрела на меня так, будто я не просто вытерла козявку о занавеску, а съела ее.

* * *

На встречах с читателями часто спрашивают, с кем из других писателей я дружу, знакома. Всегда рассказываю эту историю.

Прилетела в далекий северный город. Половина третьего ночи или уже утра – не знаю. В это время суток я даже не помню, как меня зовут. В принципе откликаюсь на все имена и фамилии. По идее, меня должны встречать. Рассматриваю встречающих, которых не много. А с листочком, на котором написаны две буквы – ГБ, всего один. Через полчаса в вестибюле аэропорта я и мужчина с листочком остаемся одни.

– Извините, если ваш пассажир не приехал, может, вы меня довезете? – спрашиваю я, благо знаю, в какой гостинице мне забронировали номер.

– Ну давайте. Что уж. Ждал вот одного из Москвы, так не прилетел. Хоть бы предупредил. Зря я, что ли, машину прогревал? – соглашается мужчина.

– А что означает ГБ? – уточняю я в рамках светской беседы.

– Как что? Государственная библиотека. А что еще может означать?

– Ну, например, для меня это – городская больница или гипертоническая болезнь. Еще головная боль. – В голове еще крутились гигабайты.

Я поблагодарила, решив не признаваться, что мужчина встречал именно меня, но я не догадалась.

В гостинице сонная девушка на ресепшене долго разглядывает мой паспорт, потом так же долго гипнотизирует монитор компьютера.

– На вас брони нет, – наконец говорит она.

– Как нет? Хорошо, давайте вы меня поселите без брони, а утром разберемся, – прошу я, потому что мне уже все равно. Лишь бы лечь.

– Не могу. У нас в городе проходит конференция, поэтому все номера заняты. Остался один, для Трауба.

– Это я! – восклицаю я.

– Нет, вы не Трауб. – Девушка опять сверяется с моим паспортом, где записана девичья фамилия.

– Да, верно, Трауб – литературный псевдоним. Пожалуйста, поселите меня!

– Не имею права. А если приедет Трауб?

– Я вам клянусь, он не приедет! Я вместо него! – чуть ли не кричу я.

– А чем вы можете доказать, что Трауб – это вы? У вас есть документ? Я думала, что Трауб – это мужчина. Я ждала мужчину. Михаила.

Организаторы действительно оставили бронь на некоего М. Трауба. И девушка представила себе Михаила. Кажется, в мыслях она уже вышла за него замуж и знала, как будут звать их будущих детей, а тут появилась я.

– Девушка, милая, ну какие могут быть документы на псевдоним? Понимаете, многие писатели, актеры, артисты работают под псевдонимами, а в паспортах у них совсем другие фамилии. Ну вот Игорь Северянин, Ильф и Петров, Демьян Бедный – это же все псевдонимы.

Девушка молчала, переваривая информацию.

– Хотите, я вам книжку покажу? Там есть моя фотография, – предлагаю наконец я.

Роюсь в чемодане и достаю книжку.

– Вообще не похожа, – сообщает мне девушка.

Тут я уже начинаю тихо подвывать. Потому что в жизни в три часа ночи я и вправду на себя не похожа, вообще никакая.

Но, на мое счастье, девушка начинает сдаваться.

– Вы точно знаете, что Михаил не приедет? – спрашивает она меня.

– Мамой клянусь. Вот буквально сегодня его видела. Понимаете, мы, писатели, чуть ли не каждый день ходим друг к другу в гости. Михаил приходил на завтрак и сказал, что не приедет. Меня вместо себя прислал.

– Хорошо, я вас заселю, но предупреждаю, если Михаил приедет, я вас выселю!

– Не волнуйтесь, я сама выселюсь.

Утром, выйдя из душа, обнаруживаю, что фена нет. С мокрой головой спускаюсь к девушке, чтобы попросить фен. И еще вызвать слесаря, потому что батареи в северном городе – холодные. Спала в свитере. Да и сантехника нуждается в ремонте – душ плюется водой во все стороны, не попадая на того, кто стоит под ним.

– Паспорт давайте, – требует девушка.

– Зачем?

– Фен в обмен на паспорт, под залог. Такие правила.

– Девушка, у вас же есть копия моего паспорта, вы ночью сделали. И я никуда из гостиницы не денусь. У меня голова мокрая!

– Не положено. Тогда оставляйте тысячу рублей.

– Девушка, милая, давайте я высушу голову и принесу вам паспорт.

– Нет, сначала документ или деньги, а потом фен. И вообще у меня конец дня. А если отдам вам фен, то как смену передам? У меня же недочет будет! Я и так вам чужой номер отдала!

– Спасибо, – сдаюсь я, – давайте я тут прямо у вас высушусь. Под приглядом. И вы будете спокойны.

Девушка выдала мне фен – такой был еще у моей мамы. Один режим.

Если повернуть другим концом, в решетке вентилятора можно оставить полголовы – затянет так, что не вытянешь.

– А вы настаиваете на слесаре? – уточнила она.

– Ну не то чтобы настаиваю, но очень хочется, чтобы было тепло. Может, нужно воздух в батареях продуть?

– Снега еще нет, зачем вам батареи? Никто не жалуется, а вы с утра пораньше начинаете. Никому фен не нужен, только вам. И знаете, что я вам скажу? Если бы приехал Трауб, таких бы проблем точно не было! Жаль, что он не смог и вас послал!

* * *

У каждой матери бывает состояние, хотя в этом тяжело признаться даже самой себе, когда от усталости и недосыпа способна думать на уровне инфузории-туфельки. То есть вообще никак. И хочется лишь одного – чтобы тебе сказали, что делать и куда идти. Как кто-то написал в соцсетях, хочется шоколадку, на ручки и кого-нибудь убить. Причем все одновременно. А заодно чтобы кто-нибудь принял за тебя все решения.

С каждым годом взросления детей становится страшнее. За все, каждую секунду. С годами накапливается много страхов.

Дочь Сима ушла в кино с подружкой.

– Мам, ну восемь звонков за пять минут – это уж слишком. Я хотела фильм досмотреть, а потом в туалет ходила, – ласково упрекает она меня.

Для меня не слишком. Она вырастет. Когда дети младенцы или ходят в детский сад – мамы бесстрашные. Поехать на другой конец города за чем-то нужным или кажущимся таковым, покормить ребенка в машине, подождать, когда он поспит в автомобильном кресле, регулируя или кондиционер, или обогрев салона – в зависимости от сезона. Заехать в магазин, еще в один. У меня теперь уже взрослый сын и дочь-подросток. А мне приходится себя заставлять

доехать до ближайшего торгового центра. Потому что там срабатывает память – молодые ее лишены. И вот такая память.

В торговом центре подземная многоуровневая парковка системы серпантин. Я тут же вспоминаю, как в отпуске в южной стране на арендованной машине ехала в какой-то зоопарк. На заднем сиденье двухлетняя дочь и сын-подросток. Перед нами глохнет туристический автобус и начинает медленно скатываться вниз. Справа обрыв, слева – скала. А я – за рулем. И тоже скатываюсь вниз, чтобы автобус не впаялся в мою хлипкую легковушку. После этой истории не переносу езду по серпантинам даже на подземных парковках.

– Можешь подхватить Зою? – просит приятельница.

– Не могу, прости. Не успею, – отвечаю я.

Приятельница, не близкая, обижается. Но мы не в той степени знакомства, чтобы я начала объяснять. На перекрестке от дома приятельницы до моего я попала в аварию. Беременная Симой, и так с постоянной угрозой выкидыша. В меня въехал мальчик, только восемнадцать лет исполнилось. Родители подарили ему машину на совершеннолетие. Но права не покупал, честно получил, сдал с пятой попытки. Он сам плакал. Инспектор кидался ко мне – я держалась за живот – и к мальчику – тот плакал и звонил родителям. Не знал, что делать. Мы мирно разошлись, но я с тех пор стараюсь объезжать злополучный перекресток. Все время вспоминаю тот момент – удар, пояс безопасности, сильно перетянувший низ живота. Потом были больница, сохранение, капельницы, уколы. Родилась Сима. Но страх не уходил, хотя и ее я возила туда-сюда в детском кресле. Уже не гоняла, как раньше, да и водить разлюбила, хотя в молодости наслаждалась дорогой, чувством руля.

* * *

Один мой знакомый рассказывал, что считал свою маму русалкой. Он многое не помнил из своего детства, но отдельные ситуации память воспроизводила четко. Мама набирала ванну, включая только горячую воду, и заставляла его сидеть в этой бане. В ванной запотевало маленькое зеркало, привинченное над раковиной, вся комната заполнялась густым паром. Он сидел и дышал. Мама капала в воду что-то из флакончика, который держала при себе. Знакомый думал, что это была микстура, непременно волшебная и русалочья. После процедур он удивительным образом выздоравливал. Вот я думаю, что капала ему мама? Масло чайного дерева? Эвкалиптовое? Ароматерапия иногда действует лучше всех лекарств, если верить, что твоя мама – волшебница, да еще и русалка.

* * *

Еще одна встреча. Думала, что уже ничему не могу удивиться. В первом ряду сидел дедушка со слуховым аппаратом. Очень активно задавал вопросы. И так же активно поправлял слуховой аппарат, чтобы лучше слышать. Аппарат как-то сконнектился с моим микрофоном, и стоило дедушке поднести руку к уху, как микрофон начинал издавать противный писк на ультразвуке. Причем громкий. Заодно и фонить. Все в зале подпрыгивали от неожиданности. Я, честно признаться, тоже. Встреча прошла хорошо. Дедушка задал очередной вопрос, и мне не пришлось на него отвечать – сидящие в зале читательницы дедушкиного возраста сами принялись ему отвечать. Громко и все разом. Будто в тот момент его на том же ультразвуке пилила не одна жена, а двадцать. Я ему не завидовала.

* * *

Снова Питер. Я уже не начинающий автор, а достаточно известный.

Приехала на престижный фестиваль. Ведущая – девушка, очень милая, немного пугливая. Идет прямая трансляция. Две камеры. Девушка тушует и замолкает. Проходит минута, вторая. Девушка так и не находит в себе сил собраться с мыслями и начать встречу. Начинаю сама. Приветствую зрителей, пытаюсь шутить, рассказываю о вышедшей новинке. Предлагаю задавать вопросы из зала. Через пять минут девушка-ведущая начинает горько рыдать. С грохотом бросает микрофон на стеклянный столик и выбегает из зала. Сорок пять минут я сама себе задаю вопросы и сама же на них отвечаю. Выхожу. На меня набрасывается женщина из числа организаторов.

– Почему вы так поступили? – кричит она.

– Как?

– Вы не дали Свете возможность собраться! Зачем вы так с ней? Она прочитала вашу книгу! Целиком! Очень хотела вести встречу! А вы так с ней поступили! – кричит организатор.

– Она молчала. Что я должна была делать?

– Вы должны были проявить понимание! – обиделась организатор.

После встречи я отправилась в ближайшее кафе, где собиралась встретиться с подругой, переехавшей из Москвы. Подруга опаздывала уже на сорок минут. Я заказала десерт.

– Он у вас свежий? – уточнила у официанта.

– Конечно! – ответил тот.

Десертом можно было забивать гвозди. Его точно испекли при Петре Первом.

– Вы же говорили, что свежий, – сказала я официанту. Тот взял мою десертную ложку, отковырнул десерт с тарелки, прожевал и возмущенно выдал:

– Нормальный. Не протух же. Чего вы придираетесь?

Подруга опаздывала уже на час. Я не стала ее ждать. Она обиделась. Наверное, я должна была проявить понимание. Как и в отношении девушки-ведущей.

И вот совсем недавно мы с мужем и дочкой отправились в отпуск под Петербург. Решили провести пару дней в городе, а уже потом ехать на озеро. Все было идеально. Отель выбрал муж – в доме, где жил Довлатов, только в другом подъезде. В коридоре бывшей коммуналки, превращенной в отель на несколько номеров, стояла печатная машинка – «ундервуд». В углу – старые чемоданы, составленные в красивую лесенку явно дизайнерской рукой. На столике – журналы «Огонек» шестидесятых годов. Все было идеально – и отель, и интерьеры, и подоконник с подушками, на который можно залечь и читать книгу. Кровать на антресолях, куда немедленно забралась дочь. На столике лежала книга Довлатова «Соло на ундервуде». Я ее читала много раз, но с удовольствием раскрыла посередине.

Та поездка многое изменила. Я начала подмечать смешное, забавное, смотреть по сторонам. Мне вдруг стало легко. На встречу с читателями пришло аж двенадцать человек – я специально посчитала, но это было неважно. Моя дочь грохнулась в обморок на выставке Врубеля в Русском музее. Смотрительницы провели нас в кинозал, где открывалось окно. Сказали, что летом еще хуже – дети часто падают в обмороки, плохая вентиляция. Мне стало нехорошо в доме Ахматовой – подскочило давление. Мы сорвали две экскурсии. Но в ту поездку я поняла, что Питер наконец откликнулся и принял меня. Я смогла за ним записывать. И за собой тоже. Иногда ведь совершенно не обязательно иметь замысел – можно просто делиться заметками.

* * *

Именно Петербургу я благодарна за идею этой книги. Мы выезжали из отеля, и муж – я его впервые за двадцать пять лет совместной жизни таким видела – страстно хотел стырить, свистнуть, то есть, попросту говоря, украсть, выложенный в общем коридоре номер журнала «Огонек» 1965 года издания. На обложке была изображена конькобежка – прекрасная репродукция. Я побежала на ресепшен спросить, как можно законно приобрести номер, готова была отдать любые деньги. Муж стоял и листал старый журнал, нюхал страницы, как это он делает во всех букинистических магазинах. Но администратора в этот момент не было, на звонки он не отвечал. Оставалось положить на стойку ключи и уехать. На день рождения мужа мы с сыном купили на аукционе полную подшивку «Огонька» за 1965-й. В этом году муж родился. Сидели на лавочке и листали. Да, конькобежка нашлась. Тот самый номер. Муж сказал, что это – лучший подарок за многие годы.

* * *

Приятельница, переехавшая по работе в Питер, рассказывает: «Хозяина съемной квартиры зовут Цезарь, фамилия коллеги – Ротшильд. Уже начала привыкать...» Она же пыталась вызвать на 8:30 условного «мужа на час», чтобы поменять люстру и повесить карниз. Да, утра. Три компании подряд отказались. Приятельница задала вопрос местным – с чего вдруг-то? «Для нас это практически оскорбление. Зимой в такую рань никто работать не может», – ответили ей.

* * *

Ее же подчиненная, уходящая из офиса ровно в шесть ноль-ноль вечера, обиделась на просьбу задержаться и доделать работу. Расплакалась, сказала, что начальница вечно всем недовольна, и бросила заявление об увольнении на стол. Приятельница-начальница подписала. Но уволенная подчиненная так удивилась, что продолжала ходить на работу еще неделю, не веря, что с ней могли вот так поступить. Уволить! И за что? Ну и что, что она написала заявление по собственному желанию? Это ведь ничего не значит!

* * *

Живем в домике на озере под Питером. Красота невероятная. В Москве – тропическая жара, а здесь – плюс девятнадцать и дождь. В ванной примостилась крошечная сауна. Иногда понимаешь, что такое настоящее счастье – сауна размером с холодильник. Зато можно прогреться, высушить мокрую обувь, полотенца. С первого раза включить сауну я не смогла. Вызвала мастера.

– Вы что, никогда сейфы не взламывали? – искренне удивился тот.

– Не приходилось.

– Странно. С виду вы – образованная женщина. – Мастер, кажется, обиделся на ложный вызов. – Тут все просто. Крутите вот этот рычажок, только нежно и медленно, и слушаете. Должен быть щелчок. Не слышите? Как? Разве вы не окончили музыкальную школу?

Он спросил это так, будто человек, не получивший среднего музыкального образования, – не человек, а та самая козявка, которую вытирают об занавеску.

– Окончила, – ответила я с гордостью.

– Ну хорошо, допустим не по классу скрипки, а по фортепиано и у вас не абсолютный слух, но щелчок вы обязаны слышать. Нет? Тогда просто почувствуйте.

Каждый вечер пыталась «почувствовать» сауну и представить, как взламываю сейф. Новый для меня опыт.

* * *

Горничная смотрит на одеяло на нашей двуспальной кровати.

– А почему второе одеяло не попросили? – удивляется наконец она.

– Да мы как-то... – мямлю я.

– Что ж вы так мучились? – восклицает горничная и выдает второе одеяло.

– Говорят, примета плохая – спать с мужем под разными... – пытаюсь пошутить я.

– Плохая примета – под одним спать, – категорично заявляет горничная. – Ни вы не спите, ни он.

* * *

В Питере.

Утром бежим на экскурсию. Пробегаем мимо ночного клуба. На улице курят самые стойкие посетители. Из клуба орет: «Пора, пора, порадуемся на своем веку. Красавице и кубку... перьями на шляпах... судьбе не раз шепнем...» Загулявшая молодежь подпевает.

– Что это за песня? – удивляется дочь Сима. – Современная?

– Нет, очень даже древняя, – отвечаю.

Дальше я рассказывала дочери про таинственную красавицу Икуку, которая слышалась мне в детстве. А кому-то слышалась красавица якутка, красавица Икупка, красавице и кубку, счастливого клику, о значении которого оставалось только догадываться. И почему в «мерси боку» в слове «боку» ударение на последний слог, а не на первый. В том смысле, что все думали «спасибо богу», а не «большое спасибо» по-французски. Или – «мерси в Баку». И как в моем детстве была присказка: «Мерси. И больше не проси». Как переделывали: «пора, пора, порадуемся на своем веку» в «пока, пока по камушкам мы школу разберем...» Сима хохотала всю дорогу.

– А что дальше? В самой песне? – спросила она.

– Не помню, – пришлось соврать мне. Потому что продолжение для нашего поколения вполне невинное в современных реалиях и для современных детей звучит совсем страшно. Захотите вспомнить, поищите в поисковике. Интернет все помнит.

* * *

За несколько лет многое изменилось. В том числе рестораны. Теперь в Питер хочется приехать позавтракать. Или поужинать. Поймала себя на мысли, что официанты похожи на студентов филфака, если молодые, а те, кому за тридцать, – на доцентов вуза. Лексика безупречная.

– Мне бы вашу память, – восхищаюсь я юношей. Он запоминает заказ без записи. Повторяет безошибочно.

– У меня лучше с аудированием, – скромно признается тот.

– Посоветуете буйабес? – спрашиваю у другого официанта.

– Я его пока не понял. Но стараюсь, – ответил тот серьезно, немного сумрачно, злясь то ли на себя, то ли на непонятый буйабес.

Симу называют «девушка» и на «вы». Она иногда оглядывается, проверяя, к ней обращаются или нет? Моего мужа называют «спутник». Мне это льстит. Его, кажется, раздражает. Он тоже оглядывается в поисках моего спутника.

* * *

Удивительно жаркий день на озере. Все постояльцы высыпали на пляж. Хозяйка уже пожилого на вид мопса пытается научить его плавать. Пес сопротивляется и чуть ли не лапой хватается за сердце – на старости лет такие испытания! Никаких нервов не хватит. Рядом за палкой со скоростью чемпиона Олимпийских игр плавает туда-сюда джек-рассел-терьер. Ну тот, который как в фильме «Маска». Хозяйка мопса, отвлекшись от процесса обучения, смотрит на терьера с восторгом. Пожилой мопс, выбираясь на берег, трусит к хозяину, который тоже не желает плавать, а желает лежать в теничке.

* * *

– У меня разыгралась мигрень, – говорит женщина своему спутнику. – Просто жуткий приступ. Думаю, мне надо выпить.

Время – одиннадцать утра. Спутник, точно не муж, судя про готовности выполнять желания, бежит в бар как в аптеку за лекарством. Смотрю на них и думаю, вот бы взять это на вооружение.

* * *

Недавно в топах новостей затесалась трогательная тема. Малоизвестная широкой публике зарубежная писательница поделилась в твиттере сожалением – на ее встречу с читателями пришли всего два человека, и те – ее друзья. Неожиданно своими историями «провалов» в комментариях стали делиться признанные авторы – от Стивена Кинга до Маргарет Этвуд. Рассказывали, как к ним вообще никто не пришел. А Этвуд, автор «Рассказа служанки» и многих других книг, написала, что к ней на встрече подошел парень с вопросом, где купить скотч. Еще есть прекрасная книга, переведенная на русский язык, – «Со стыда провалиться». В ней всемирно известные авторы – Чак Поланик, Джулиан Барнс и другие – делятся своими историями провалов на встречах с читателями, в ходе интервью, переговоров и автограф-сессий. Если вы или ваши дети боитесь публичных выступлений так, как боюсь их я, обязательно почитайте. Очень помогает посмотреть на ситуацию с юмором.

У меня – своя история писательской инициации. На первую встречу и автограф-сессию я шла на подгибающихся ногах. В зале, где на столе были красиво разложены экземпляры моей первой книги, я сидела в полном одиночестве, умирая от горя. Потом появилась женщина. Она шла ко мне решительно. Я временно перестала умирать и улыбнулась самой приветливой из своих улыбок:

– Здравствуйте, очень рада вас видеть! Спасибо, что пришли. Вот книги. – Я показала на стол.

– Э... а контурные карты у вас где? – уточнила женщина.

Начинающим писателям стоит так же запомнить, что в рейтинге продаж всегда будут лидировать правила ГИБДД, решебники для шестого класса, прописи для первого и тестовые задания по ЕГЭ. Просто смиритесь.

* * *

Про водителей такси у каждого есть своя история. Обычно таксисты признаются, что на самом деле владеют многочисленными квартирами, разнообразными бизнесами, окончили престижные вузы, а такси так, временное хобби. Но мне такие встречаются редко.

Ехала на важную встречу. Опаздывать было категорически нельзя. Выехала настолько сильно заранее, что предполагала час гулять по округе. Водителем оказался мужчина в возрасте. За шестьдесят. Сильно. Но я таких люблю. Они не умеют ездить по навигатору, только по бумажной карте, наитию и старой памяти. Этот мужчина носил очки с такими диоптриями, какие я видела впервые в жизни – будто увеличительные стекла на каждом глазу. Кажется, он привык ездить на механике и никак не мог надавить ногой на педаль тормоза, все время промахивался. Мы ехали на дикой скорости, подрезая автобусы и другие автомобили. В какой-то момент водитель чихнул, причем сильно, упав лицом в руль. Ногу он по-прежнему держал на педали газа. Я зажмурилась, попрощалась с жизнью, кажется, хотела пристегнуться дополнительными ремнями безопасности. После чиха водитель повернулся ко мне всем телом и сказал: «Простите, в нос что-то попало, не волнуйтесь, я не болею». Он смотрел на меня, а не на дорогу. Мы ехали по проспекту. По-прежнему на дикой скорости. Когда подъезжали к светофору, я начинала мычать и давить обеими ногами в пол. Ладно, я даже разговаривала со светофором, умоляя его поддержать еще желтый и не переключаться на красный. А чтобы успокоиться, пыталась вспомнить, в чем разница между светофором и семафором. Так и не вспомнила. Кажется, мой чихающий водитель с очками-лупами считал желтый свет созданным для красоты, а красный вообще лишним. Или же он был еще и дальтоником. Я вывалилась из машины, обещая всем богам вести себя хорошо, раз они спасли мне жизнь.

* * *

Еще один водитель. На сей раз молодой. Голову держит не так, как обычные люди, а слегка наперекосяк.

– Все в порядке? – уточняю я.

– Да, шею заклинило. Повернулся неудачно, – отвечает он. – Но вы не волнуйтесь, я почти привык.

Всю дорогу пытается двигать головой. Шея клинит то вправо, то влево. Наверх посмотреть не может. То есть едет, вообще не глядя в зеркала. Опять прощаюсь с жизнью.

– Может, я смогу вам помочь? – спрашиваю я.

Остаток пути массирую водителю шею и спину. Тот ойкает и айкает. На светофорах другие водители смотрят на нас, так сказать, не без интереса. Приезжаем. Водитель говорит, что я его спасла. Просто чудо какое-то. Я, не чувствуя рук, вяло киваю и благодарю за поездку. Спасибо, что живой, как говорится.

* * *

Совсем недавно. Подсказала водителю, где лучше повернуть – в нашем районе навигаторам доверять нельзя. Бонусом идут программы «прокачай свое терпение», «научись справляться с гневом» и «завязывай уже с трезвым образом жизни». И все это – пока пытаешься выехать из нашего двора. Поблагодарил. Доехав, сказал: «Пусть ваш вечер ничто не омрачит». Сказал так искренне, что я поверила – этот вечер будет счастливым. Так и оказалось.

* * *

Иногда стоит верить в эти случайные встречи. Попрощаться с жизнью, чтобы понять, что делать дальше. А иногда просто принять на веру искреннее пожелание от постороннего человека. И оно обязательно сбудется.

* * *

У нас в семье большая радость. Дочь Сима начала самостоятельно ходить в школу. Восьмой класс, тринадцать лет. До этого мы ее отводили и встречали. Не потому, что ненормальные родители, а потому, что ее «не видел» лифт. Прекрасно помню, как в прошлом году Первого сентября всей семьей выстроились в коридоре. Вызвали лифт, долго целовались и обнимались. Лифт приехал, Сима в него вошла и... никто никуда не поехал. Наш лифт, как позже выяснилось, настроен на определенный вес пассажира.

– Может, ставить с ней пятилитровую бутылку с водой? – предложил старший брат Василий. Но Сима отказалась ездить с бутылкой.

– Как дела в школе? – спросила я.

Дочь выглядела уставшей и раздраженной.

– Плохо. Опять на информатике сражалась со стулом.

Оказалось, у них в классе установлены стулья с «подъемником». Чтобы его опустить, нужно сесть, а чтобы поднять – встать. Сима садится на стул, тот думает, что с него кто-то встал и взлетает вверх так, что дочь катапультируется. Все стулья в классе уже проверили – они ведут себя так же, как лифт. Кто-то из мальчишек предложил Симе садиться вместе с рюкзаком. Попробовали – сработало. Но стоило опустить рюкзак на пол, как Сима снова взлетела на стуле.

Вечером дочь вышла из ванной с ужасом в глазах:

– Мама, меня весы тоже не видят!

– Зато они меня очень хорошо видят. Поэтому я вытащила из них батарейку, – успокоила я ее.

* * *

Семилетняя Полина надела утром в школу колготки с люрексом «вырви глаз» – подарок от бабушки на Новый год.

– Сегодня какой-то внеплановый праздник? – уточнила ее мама, моя подруга Катя.

Полина, ни разу не смотревшая фильм «Операция Ы и другие приключения Шурика», безупречно воспроизвела интонацию:

– Мама! Школа для меня всегда праздник! – И хлопнула носом, растрогавшись.

* * *

– Ты чего такая злая? – спросила я Катю, мать троих детей.

– Да надоело все! – воскликнула всегда сдержанная Катя. – Мужик рядом храпит. Ева поперек кровати развалилась!

Ева – младшая дочь, не желающая перебираться из родительской кровати в собственную. Мужик – Катин муж, терпеливый, заботливый, обожающий жену и трех дочек.

– Еще и свекровь пришла утром «поговорить», – продолжила Катя. – Узнала, что я купила себе отдельное одеяло, начала причитать, что спать под разными одеялами с мужем – к разводу. А если муж на себя одеяло натягивает, Ева вообще без одеяла спит, мне-то что делать?

* * *

Катин муж Денис уехал в Сочи со старшими девочками кататься на лыжах.

– А ты стоишь на лыжах? – спросила я подружку.

Мой муж тоже любитель горных лыж и обоих детей выводил на склон с раннего детства. Я же так и не припрестила. Стоять – стою, но предпочитаю детские горки. Смотреть, как с горы на огромной скорости скатываются мои дети, не могу. Максимум, на что способна, – съехать на лыжах до ближайшего кафе и выпить сразу два глинтвейна, чтобы хоть немного успокоиться.

– Зачем доезжать? Можно и внизу выпить, – ответила Катя.

Мне такое очевидное решение в голову не приходило.

* * *

Катя все же решила проверить, что положила в чемодан Полина на неделю поездки. Держалась три дня, предоставив девочкам возможность собраться самостоятельно. Поля положила пятнадцать трусов и пятнадцать пар носков – собственно, все, что выгребла из ящиков. Сверху уложила летнее платье, белые джинсы и две футболки, причем не свои, а Евины. Поверх вещей лежали две книги – «Приключения Робинзона Крузо» и «Сказки народов мира». Толстенные.

– Поля, ты уверена, что успеешь их прочесть? У тебя времени не будет. Лучше положи термобелье и запасной спортивный костюм. Возьми тонкую книжку в самолет, тебе хватит, – предложила Катя.

– Мама! Ты запрещаешь мне читать! А я так хотела! Подумай, что скажет об этом Маша! – воскликнула Поля с надрывом в голосе.

Поля очень гордится знакомством со мной, настоящей писательницей. И всем учителям говорит, что ее домашку проверяет не какой-то там репетитор, а настоящая Маша Трауб. Почитайте, да, ознакомьтесь, если не в курсе. Благодаря Полине у меня расширяется круг читателей из числа учителей.

* * *

Пользуясь отсутствием мужа, старших дочек и образовавшимся свободным временем, Катя закупила разнообразные натирки, мази, обертывания для быстрого похудения.

– Намазалась сегодня, – рассказывала она. – По инструкции, надо было укрыться одеялом и лежать тридцать минут. Я накрылась двумя для двойного эффекта и уснула на два часа.

– И как результат? – спросила я.

– Хожу вся красная и чешусь.

– Похудела?

– Весы говорят, что нет. Плюс полтора килограмма.

– Это еще откуда? – удивилась я.

– Оттуда. Я съела припасы Алисы и Полины. Убирала в их комнатах и нашла конфеты, печенье и баранки. Ну не выбрасывать же. Думала, обертывание их сожжет, но не сожгло.

* * *

Худющая Полина съела в один присест столько, сколько моя дочь Сима за день не съедает.
– Полина, где у тебя еда откладывается? – удивилась я.
– Как где? В голове!

* * *

– Ева, что ты хочешь? – Мне позвонила Катя, а малышка крутилась на кухне. – Что? Кока-колу? В десять утра? Прекрасное желание. Я тоже хочу. Возьми актимель.
– Катя, Ева что, уже пробовала колу? – возмутилась я.
– Она третий ребенок в семье. Чего она только не пробовала, – ответила Катя.

* * *

Катя написала, что у них окончательно сломалась посудомойка. Поехали в магазин купить новую. Малышка Ева спросила:
– Что мы тут купим?
– Посудомойку.
– Наконец-то вы помоеете мою тарелочку! – истошно закричала на весь магазин Ева.

* * *

Полина решила, что ей нужно худеть и поэтому она будет бегать на школьном стадионе, расположенном под домом. Начнет прямо сегодня. На часах было семь утра. Полина – жаворонок. Оказалось, что и Ева тоже.
– Мам, пойдем, я тоже хочу бегать. – Ева начала будить маму.
– Вот папа проснется, и вы пойдете гулять, – буркнула Катя, до четырех утра сидевшая над швейной машинкой, – шила новый купальник для выступлений.
– Папа, ты когда проснешься? – Ева села спящему папе на грудь и взяла его за лицо. Начала трясти. – Папа! Ты сейчас проснешься? – Ева продолжала трясти отца за все части тела.
– Напомни, мы хотели завести кота или ребенка? – промямлил муж, которого все детство кот Бани будил, садясь на грудь и колошматя лапами.

* * *

«Как дела?» – пишу я Кате.
«Не могу дезактивировать Еву», – отвечает подруга.

* * *

У Кати всегда найдется нестандартное определение обычным радостям: «Сбежала из дома. Мне надо было в себя сознание вернуть». Это означает, Катя уехала на маникюр.

* * *

Ева начала говорить. Первое слово – «есё», то есть «ещё». Малышка произнесла его ночью, требуя добавки ночной каши из бутылки. Ева предпочитает питаться по ночам. Катя говорит, что дочь выбрала «интервальное голодание» – пропускает обед в садике и ужин дома, зато ночью отъедается.

– Ева сказала первое слово! – Катя пыталась поделиться радостью с мужем, но тот ответил «ага» и повернулся на другой бок.

Утром муж завтракал. Катя, собирая Еву в садик, безуспешно пыталась натянуть на дочь куртку по погоде, убеждая, что идти в одном платье холодно.

– Ма-а-ам! – закричала из комнаты старшая, Алиса. – Полина опять мою юбку забрала! Я что, голая в школу пойду?

Катя убежала разбираться со старшей и средней дочерьми.

– Катя, Ева сказала первое слово! – прибежал радостный муж.

– И какое? – уточнила Катя.

– Я не понял. Ева, скажи еще раз, – попросил счастливый отец.

– Дуя, – сказала Ева.

– Дура. Она говорит – дура, – перевела Катя мужу, все еще соображая, как стянуть юбку со средней дочери и натянуть на старшую так, чтобы никто не зарыдал от несправедливости.

– Дуя, – сказала еще раз Ева, подходя к маме и ласково ее обнимая.

Катя села на кровать.

– Нет, ну от тебя я такого не ожидала, – сказала она младшей дочери.

– Может, из садика? – с надеждой спросил муж, осторожно двигаясь к выходу из комнаты.

– Нет, это я тебе вчера сказала: «Что ты из меня дуру делаешь?» Вот Ева и подцепила!

– Прости, я больше не буду, – быстро проговорил муж и сбежал на кухню. – Посуду я помою. И мусор тоже выброшу!

– И Еву из садика заберешь! – крикнула вслед Катя.

Из комнаты девочек раздался вопль.

– Ма-а-ам! Ну это вообще! – возмущалась старшая Алиса.

Стянутую со средней, Полины, юбку захватила Ева и пыталась надеть на платье.

– Есё, – объявила малышка маме.

– Ладно, все-таки первое слово было не «дура», а «еще», – растрогалась Катя.

* * *

«Не знаешь, как увеличить грудь – надень платье с бантом на том самом месте», – написала Катя, прислав фотографию Полины в платье с огромным бантом на груди.

* * *

Поля пытается открыть пенал, который заклинило.

– Давай помогу, – предлагает мама Катя.

– Нет, я сама могу, – отказывается дочь.

Пенал открывается, содержимое, естественно, высыпается на пол.

– Ну хорошо, что точилка пустая, а не как в прошлый раз, – констатирует Полина.

* * *

«Объявление», – присылает мне Катя очередной перл от Полины.

– Это она так сказала или написала? – уточняю я.

– Сказала. Написала, надеюсь, не так, – отвечает Катя.

* * *

Сейчас в подъезде снова много детей. И они такие же смешные, какими были повзрослевшие и уехавшие жить отдельно наши старшие дети. Например, Нюся с шестого этажа. Третий класс. На школьном рюкзаке висит здоровенный заяц размером с рюкзак. Грязный, потому что Нюся не разрешает его стирать. Он вроде как талисман на удачу. Постираешь и не возмешь в школу – точно получишь двойку. Нюся очень вдумчивая девочка.

– Поедешь? – спрашиваю я, придерживая двери лифта.

Нюся думает минуту, только потом кивает.

После этого она долго и внимательно рассматривает кнопки лифта, прежде чем нажать на нужную. Консьержка уже бьется у двери с другой стороны, гадая, то ли мы застряли, то ли надолго задумались. Наконец Нюся жмет на шестой, я на свой тринадцатый.

– Как дела? Все хорошо? – спрашиваю я.

Нюся обдумывает ответ до своего этажа.

– Да, пятерку по русскому получила, – отвечает она, выходя. На этаже рассматривает дверь и звонки, будто видит их впервые в жизни. Наконец нажимает на нужный. Я с облегчением выдыхаю и еду на свой этаж.

На первом этаже в это время консьержка объясняет остальным жильцам, что лифт не сломан, просто в нем Нюся едет. Поэтому кажется, что он не работает.

* * *

А еще есть четвероклассница Милена с десятого этажа. Мама ей не разрешает заходить в лифт с посторонними людьми – хоть с тетями, хоть с дядями. Милена и ее мама Александра меня прекрасно знают. Но каждый раз Милена застывает на первом этаже и звонит:

– Мама, тут Маша, мне можно с ней в лифт зайти?

– Какая Маша? – немедленно пугается Александра.

– Ну тетя Маша с тринадцатого этажа.

– Это точно тетя Маша? – уточняет мама.

– Да, точно. Только у нее лицо красное. И шея в пятнах, – отвечает Милена. – Тогда мне нельзя с ней ехать?

– Включи громкую связь.

Дальше я рассказываю соседке, что ходила к косметологу, делала лазер, чтобы избавиться от морщин, а до этого – подкалывала шею с той же целью. Мы обсуждаем современные методы косметологии, способы справиться с морщинами, татуаж бровей – это уже консьержка подключилась.

– Ма-а-ам, – встревает в разговор Милена. – Так можно я с Машей поднимусь на лифте? В туалет очень хочу.

* * *

Ничего не меняется. Моя подруга Катя, та самая мама трех дочерей, решила, что средняя, Полина, нуждается в дополнительном душе после покаканья. Ну, плохо ребенок вытирает попу. Младшая, Ева, понаблюдав за процессом, решила, что ей тоже так надо. И после каждого писанья в горшок требовала душа и чистых трусов. Даже ночью. Измученная водными процедурами Катя пыталась запихать на ночь Еву в памперс, но не тут-то было. Ева сдергивала памперс и шла на горшок, а после этого – в душ. Очень чистоплотная девочка. Ева предпочитает есть, пить, какать, писать, принимать душ исключительно в ночное время суток.

* * *

Ева в силу возраста выговаривает не все буквы. Букву «эс» произнести не может. Поэтому говорит, что идет не в садик, а в «адик».

– Адик дём? Дём в адик? – спросила Ева маму, когда они задержались, провожая старших сестер в школу.

– Ох, бедный ребенок, – сочувственно заметила проходящая мимо женщина. – Уже все понимает про эту жизнь. Что же дальше будет?

* * *

Мой старший сын Василий, как и многие студенты, использовал родной дом как банно-прачечный комбинат и столовку. Возвращаясь из поездок, сваливал огромную кучу вещей рядом со стиральной машинкой. Правда, вытаскивал из карманов документы, салфетки и прочие предметы. Я убедила его, что паспорт еще одной стирки не переживет, как и студенческий билет с проездным.

Так было и в этот раз. Я разобрала кучу, перестирала. Развешивая вещи, увидела незнакомые колготки. Женские, но точно не мои. Других предметов женского туалета в постиранной стопке не наблюдалось. Вещи сына я всегда стираю отдельно – все-таки он физик, выбрал кафедру физики ускорителей и радиационной медицины. Ну мало ли что он забыл вытащить из карманов?

– Вась, я постирала колготки. Может, твоей девушки? – уточнила я у сына. – Узнай у нее, не теряла ли колготки? Хорошие. Надо мне такие же купить.

Другой молодой человек тут же начал бы писать девушке и уточнять про колготки, но не мой сын. Он сначала что-то высчитывает, анализирует, а потом выдает результат.

– Мам, это не ее. Она не могла уйти без колготок, – ответил он.

– Почему? – удивилась я, помня, что в молодости могла забыть дома не только колготки, но и голову.

– Зима на дворе, холодно.

– А чьи они тогда? – спросила я. – Надо бы вернуть хозяйке.

Так уже было, когда я обнаружила у сына в комнате пакет, в котором лежали шапочка для намаза, женский шарф, мужская футболка не его размера, одна сережка и православный крестик. Долго пыталась сопоставить в голове найденные предметы и никак не могла найти разумное объяснение. Выяснилось, что он уходил последним с вечеринки и забрал все забытые вещи. Владельцы уже нашлись – осталось только передать «потеряшки». Но сейчас были колготки, одни.

– Мам, это мои, – сказала Сима, заметив, что я рассматриваю колготки, представляя Васину девушку, будто она завтра станет моей невесткой. – Я их вчера положила в стиральную машинку, а потом их Вася своей одеждой завалил.

* * *

Когда Вася уже переехал, я разбирала его шкаф. Совсем старые и застиранные футболки собиралась выбросить и перестирать и погладить те, которые ему могли еще пригодиться. Выбросить так ничего и не смогла – эту футболку я ему подарила, другую – привез отец. Еще одну утащила себе Сима. И вдруг я наткнулась на футболку, которую видела впервые. Фиолетовая, размера икс эс. То есть явно не Васина. На спине футболки было написано – «Победитель Всероссийской олимпиады школьников по астрономии». Тут я почти упала в обморок, но решила уточнить у сына.

– Васюш, а твоя девушка побеждала во Всеросе? – заикаясь, спросила я. Мамы детей-олимпиадников меня поймут. Всерос (Всероссийская олимпиада), а уж тем более победитель – это сразу гений. Победить во Всеросе, что дает право поступления в любой вуз на любой факультет по желанию победителя, – мечта. В подавляющем большинстве случаев – несбыточная. Стать призером вузовской олимпиады – уже счастье.

– Да, а как ты узнала? – удивился Василий.

– Футболку нашла. Это ведь ее? Я надеялась, что не ее, – призналась я.

– Да, она победитель Всероса. Поэтому поступила в МФТИ.

Ну да, кто бы сомневался. Другие матери находят в комнатах взрослых сыновей забытые лифчики, трусы, а я – футболку победителя Всероссийской олимпиады. Нормально для духовных людей, к тому же для семейства, где родители – гуманитарии.

Футболку постирала, погладила. Думала, поместить в багет и повесить на стену. Ходить и ахать от восторга.

* * *

Васина девушка сдала первый экзамен в магистратуре. На максимальный балл. Впервые в истории курса или даже университета. На нее показывали пальцем, как на звезду, вжимались в стены, когда она проходила по коридору, а профессор пригласил на обед, чтобы узнать, как такое вообще могло произойти.

– Васюш, а если ты сдашь хуже, она тебя бросит? – уточнила я.

– Не думаю, – ответил сын, но напрягся.

* * *

– Кать, ты где? – Я позвонила подруге.

– Я – многодетная мать, и мне нужен отдых, – шепотом ответила она. – В кино, смотрю «Человека-паука».

– Тебе не нужно девочек с тренировки забирать? – удивилась я.

– Блин, на самом интересном месте! Поеду завтра снова. Досматривать!

– Кать, ну какой «Человек-паук»?

– Один день с моими детьми, и ты тоже будешь смотреть «Человека-паука»!

* * *

У Васи в комнате над письменным столом, под потолком в углу, живет паук. Его зовут Гоша. Паук живет там столько, сколько мы в этой квартире. То есть уже двадцать лет. Возможно, это уже Гоша-второй или Гоша-четвертый. Но Гоша – наш домашний питомец. Отец семейства очень хорошо, просто прекрасно относится к домашним животным, если они не живут в его квартире. Гошу, каким бы по счету он ни был, муж терпит, поскольку тот не требует особого питания, не какает, не писает и не линяет. Видимо, у нас очень хороший климат в доме – мухи не впадают в спячку и иной раз летают даже зимой. Иногда и комары приживаются. Долго жили две божьи коровки – Желтоглазка и Эмма. Так их Сима назвала и всячески опекала, соорудив в картонной коробке лесопарковую зону. Гоша-какой-то-там, видимо, не испытывает недостатка в пропитании, спокойно вьет свою паутину. Не грызет тапочки и не дерет обои.

К Гоше мы привыкли, хотя мой муж – маньяк чистоты. Он не терпит пыли даже на косяке входной двери. И тут у нас появилась новая домработница. Она еще не успела добраться до Васиной комнаты, когда я поняла, что Гоша не жилец. Вася перед приходом любой феи домашнего очага, включая меня, засовывает в ящики все, что можно и нельзя, в том числе пустые бутылки с остатками напитков, состав которых я не желаю даже себе представлять. Сын прекрасно знает, что я боюсь не то что заглядывать в его ящики – даже открывать их. Там может что-нибудь взорваться или пахнуть так, будто он действительно хранит скелеты не только в шкафу, но и в тумбочке. Сын, напоминая, физик. У него царит идеальная чистота в комнате, но только если не заглядывать в ящики. Откроешь – и вдруг волосы встанут дыбом от результатов какого-нибудь физического опыта?

У Симы все игрушки лежат в строгом, раз и навсегда заведенном порядке. Пересадить плюшевую собаку с кровати в корзину для игрушек – месяц обсуждений и договоренностей. Она сама убирает свою комнату, чтобы кто-нибудь, не дай бог, не сдвинул цветок на подоконнике на сантиметр влево или вправо от положенного места.

Мы с домработницей вошли в комнату сына вместе. Она боялась одна. Я, откровенно говоря, тоже. Оба моих ребенка – сын и дочь – стояли ногами на столе и смотрели в потолок. Сима что-то сюсюкала и заливалась слезами. Вася пытался ее успокоить.

– Гошу не трогайте! – закричала, рыдая, Сима. – Он родной!

* * *

Одноклассница пригласила Симу на день рождения. Дочь младше всех в классе на год – слишком рано пошла в школу – и была счастлива, что ее включили в компанию.

– Мам, что такое фастфуд? – Она всегда готовится к мероприятиям. Синдром отличницы.

– Ну ты же знаешь – быстрая еда, – ответила я.

– Я знаю, как это переводится, не знаю, как это выглядит! – воскликнула в отчаянии дочь.

Тут я поняла, что Сима ни разу не была в «Макдоналдсе» и прочих подобного рода заведениях. Мое упущение.

– Это бургеры, картофель фри, наггетсы, кола и так далее, – объяснила я.

– Понятно, «запрещенка», – кивнула дочь-спортсменка, убежала, но прибежала еще через пять минут.

– Мам, а как играть в мафию? – спросила она.

Популярность мафии настигла меня во время активной работы корреспондентом в газете и раннего материнства. То есть я знала, что существует такая игра, приблизительно понимала правила, но сама никогда не играла. Так что объяснить дочери правила во всех подробностях

была не в силах. Мой сын вырос в те годы, когда мафия уже перестала считаться культовой игрой.

– Загугли и почитай правила, – ответила я.

– То есть фастфуд я не ем, в мафию играть не умею. Зачем я вообще еду на день рождения?

– Узнать, чем живут твои сверстники. Для общего развития и социализации.

– Мам, я все время куда-то езжу для социализации. Ничего не помогает, – пожалала плечами Сима.

Восьмиклассникам решили устроить вечернюю дискотеку. Аж на два часа. С пяти до семи вечера.

– А что делают на дискотеках? – спросила Сима.

– Танцуют, ты же была на дискотеках на спортивных сборах, – удивилась я.

– Но на школьных же я не была! И что – два часа только танцуют?

– Нет, конечно! Еще сплетничают, страдают, ждут приглашения на танец, целуются с мальчиками!

– И зачем для этого устраивать дискотеку? У нас каждый день в школе все страдают и целуются.

– Ну что, как дискотека? – спросила я Симу. – Танцевала с мальчиками?

– Нет, конечно! Зачем с ними танцевать? – возмутилась дочь.

У Симы в школе появилась новая учительница по черчению – Евгения Игоревна. Современных детей странными и редкими именами удивить сложно. Вот недавно они биологичку довели до нервного срыва. Она назвала девочку Миланой, а та оказалась Миленой. Еще одну назвала Таисией, а она была Анисией – Таисией звали ее старшую сестру. На Симе биологичка зависла и сломалась. Помнила, что что-то редкое. Назвала Симоной. Девочку Александрию упорно называла Александрой, а Алисию – Алисой. Кошмар, одним словом.

– Что, у родителей фантазии не хватило на женские имена? – хмыкнул Гоша, но не Георгий и не Юра, а Егор, узнав имя и отчество учительницы по черчению.

– Может, ее папа мальчика хотел, – предположила Арсения, которая должна была родиться мальчиком Арсением, но родилась девочкой.

* * *

Мне очень нравится Симиная учительница математики. Вера Ивановна считается строгой и требовательной, что не мешает ей быть искренней, честной и очень доброй. А главное, с чувством юмора. У Веры Ивановны что ни день, то происшествие. В основном это связано с ее кошкой, которую зовут то ли Мяу-Мяу, то ли Кис-Кис, то ли Мур-Мур – Сима все время путается. Но то, что имя двойное, – это точно. Кошка равнодушна к тетрадям, которые Вера Ивановна приносит домой для проверки работ. И обязательно одну или две сгрызет. Кошка, конечно, а не учительница. На этот случай у Веры Ивановны припасены смешные наклейки, которые она выдает владельцу тетрадки, пострадавшей от зубов и когтей кошки. Чтобы заклеить нанесенный ущерб. Когда кошке надоедает грызть тетради, она опрокидывает на них вазу с цветами. Или стакан с водой, забытый на рабочем столе. Или чашку с чаем.

– Вера Ивановна, а вы проверили наши контрольные? – спросили восьмиклассники.

– Проверила. Они сушатся. Вот поглажу и принесу, – ответила учительница, аккуратно выстригая из старых тетрадей для контрольных за пятый или шестой класс чистые листы, чтобы раздать восьмиклассникам для самостоятельной работы.

Когда дети впервые слышали, что Вера Ивановна сушит и гладит тетради, они стали переживать за самочувствие учительницы. Но она объяснила – кошка опрокинула вазу, тетради намокли, сейчас сохнут, развешанные, как белье, на сушилке. Останется только прогладить, и все – будут как новенькие.

Я тут же представила себе бельевую сушилку с тетрадками и Веру Ивановну с утюгом, проглаживающую с двух сторон каждый листочек, как пеленки для младенцев. Сима сказала, что именно так и делает учительница. Мне кажется, это очень смешно.

* * *

А еще у Веры Ивановны все время что-то ломается. Вот в последний раз компьютерная мышь упала на пол и перестала работать.

– Кирилл, ты сделал домашнюю работу? – спросила Вера Ивановна, тщательно следящая за выполнением домашки.

– Нет, – признался тот.

– Вот починишь мышку, не поставлю двойку, – предложила бартер Вера Ивановна.

– Так, Илья, неси тетрадь. – Она продолжала проверку.

– Можно я сразу к Кириллу? – попросил Илья. – Вдруг он один с мышкой не справится?

– Вера Ивановна, а можно я вам доску нормально повешу, а то давно косо висит? – поднял руку Тимофей.

– Ты тоже домашку не сделал, как я понимаю? – уточнила Вера Ивановна.

– А я могу цветы полить и учебники разложить, – тихо предложила Настя.

– У нас сегодня что, очумелые ручки, а не урок математики? Кто еще хочет заняться хозяйством? – спросила строго Вера Ивановна.

– Да в принципе все, – призналась Настя, и весь класс дружно закивал. – У нас сегодня контрольная по физике была. Мы к ней готовились.

– А давайте! – радостно воскликнула учительница.

Класс просто сиял. Учебники и тетради аккуратно разложены в шкафах, все парты отмыты, цветы протерты тряпочкой.

– Ну вот, какая красота! – радостно объявила Вера Ивановна. – Какие вы молодцы! И завтра у вас не будет повода не получить двойку в журнал за несделанную домашку!

* * *

Позвонила Катя, увлекающаяся фотографией, и сказала, что придумала съемку в стиле Альфреда Мухи. Нужна органза, она купит цветы. Рассказывала про свет и цвет.

– Это будет здорово, – обрадовалась я и рассказала дочери, что Катя хочет попробовать перенести картины Альфреда Мухи на фотографии.

– Это хорошо, но он Альфонс, – ответила Сима, учащаяся знаменитой художественной школы имени Серова.

– Ну, понимаешь, многие художники, писатели, поэты жили за счет богатых покровителей, которые ценили талант и искусство, – пустилась в объяснения я.

– Мам, он Альфонс, не Альфред. Звали его так.

* * *

В Симином классе проходили по биологии членистоногих. Биологичка, которую никто не любит, потому что она, в свою очередь, любит только тесты – бессмысленные и беспощадные

в своей бессмысленности, вдруг решила повеселить детей. И выдала детям тараканов. Живых. Симе достался таракан по имени Стасик. Еще были Петя, Вася, Гена и Жорик. Тараканы оказались большими и упитанными. Сима немедленно заорала. Она боится не только членистоногих, но и прочих представителей фауны. Тем более на своей парте, в непосредственной близости. Следом за Симой завопила Настя, которой достался Гена. Ну и Вика поддержала девичий визг.

– Очень странный класс. Никогда такого не было, – обиделась за тараканов биологичка и, вместо того чтобы успокоить девочек, ушла, задав пройти тест.

Девочек успокаивал Степа, с первого класса влюбленный в пауков и жуков всех видов. Рассказывал, что тараканы могут прожить без пищи почти месяц, что они способны находить укрытия и выживать даже в условиях радиации.

* * *

Класс отправили на дистанционку в связи с карантином. Биологичка на связь не вышла. Дети дружно решили, что тараканы перегрызли в классе компьютерные провода.

Карантин закончился, дети вернулись в школу. На уроке физики учительница, которую дети любят, показывала опыты. В пипетке у нее находилась жидкость красного цвета.

– Это кровь Жорика или Стасика, – зловещим шепотом на весь класс произнес Кирилл.

Сначала завизжала от ужаса Настя, а потом Вика. Сима молчала, онемев от страха. Она сидела на первой парте, и пипетка с чем-то красным находилась прямо перед ее носом.

– Да живы эти тараканы! – воскликнула физичка. – Сама их боюсь. Живучие, зараза.

* * *

Пошла к зубному врачу. Стоматолог у нас семейный, одноклассник моего мужа.

– Ты опять к Леше идешь? – спросил супруг.

– Да. Тебе стоило мне, как лошади, перед свадьбой в рот заглянуть, – ответила я.

– Ты что, по ночам зубами скрежещешь? – удивился врач. – Нет, я в принципе понимаю... Нервы, стресс, но не до такой же степени, чтобы всю эмаль стереть.

– Леш, до такой... – промычала я.

– Слушай, давай сделаем тебе капу, будешь на ночь надевать, – предложил врач.

– И как ты себе это представляешь? – рассмеялась я. – Андрей ложится спать, а я, как боксер, с капой во рту!

– Да, он человек творческий, впечатлительный, – согласился врач. – Ну ты дожись, когда он уснет, и вставляй в рот капу.

– Ну вот еще! Может, мне еще вставить раньше его, чтобы ресницы покрасить и локоны накрутить? Просыпается муж, а я уже с ресницами и в кудрях.

– Нет. Этого он точно не вынесет. Ладно, восстановим потихоньку.

К Леше, то есть, конечно, к Алексею Витальевичу, мы ходим всей семьей. Все, кроме Симы, которую приходится возить в другую клинику к ее любимому доктору. Ее врач – обладательница прекрасных, просто невероятной длины ресниц, причем натуральных, а не наращенных. И Сима, когда видит эти ресницы, замирает от восторга и открывает рот – тоже от восторга.

Мое же сердце отдано Алексею Витальевичу. Помимо того, что Леша замечательный врач, он еще единственный человек на всем белом свете, который разговаривает с моим мужем как с умалишенным. «Делаем кусь-кусь», – говорит Леша, и муж послушно прикусывает бумажку. «Теперь плескаться-бултыхаться», – велит доктор, и муж отхлебывает из стаканчика

и прополаскивает рот. А еще врач достает искусственную челюсть, зубную щетку и учит моего мужа чистить «зубки». Тот сидит и внимает. Я один раз наблюдала эту сцену и хохотала до слез.

– Ой, представляешь, у Андрюхи-то лысина! – сообщает мне врач во время очередного визита.

– А то я не знаю, – хмыкаю я.

– Не, он как в кресло лег, так я сам чуть не лег – лысина!

– Леш, ну он уже не мальчик, пятьдесят семь как-никак, – отвечаю я.

– Кому? – удивляется врач.

– Вам! Вы же одноклассники!

Да, они оба не чувствуют себя на свой возраст. А кто чувствует?

Василия же врач встречает возгласом:

– Не, ну зубы папины!

Обычно говорят, что Вася – копия отец, так что я привыкла. И хорошо, что у него папины зубы. Траты на стоматологию меньше.

С Васей Леша познакомился, когда сын был маленьким. И сразу стал разговаривать с ним как со взрослым – не так, как со своим одноклассником. Никаких «кусь-кусь». Врач показывал ему снимки чужих челюстей, объяснял, для чего нужен каждый прибор, и разрешал рассмотреть в зеркальце мой кариес. То есть я лежала в кресле, а надо мной свисали две головы – Алексея Витальевича и Василия.

– Открой рот пошире, – требовал врач. – Ребенку не видно.

Я что-то хрипела в ответ.

Со мной Леша очень любит поговорить во время работы – обсудить жизнь, детей. Ответить ему, находясь в зубо врачебном кресле с открытым ртом, я не могу – способна только мычать или издавать гортанные звуки. Но Леше этого вполне достаточно. Он считает меня замечательной собеседницей. Вот со всеми бы так – я молчу, говорю «ы», «хры», дрыгаю ногой или сразу двумя, и меня все считают прекрасной собеседницей.

* * *

Тоже история из давнего прошлого, которая, кажется, случилась вчера. Помню каждый момент, каждую минуту. В субботу вечером мне позвонил молодой человек, представившийся Вадиком. Пока я соображала, кто такой Вадик, юноша сообщил, что Ванька разбился. Ванька – наш старший сын, уже тридцатилетний мужчина, а тогда – двадцатилетний парень. И он в то время должен был сидеть с девушкой в кафе или дома – готовиться к семинару. Ваньку я не рожала, но он был с нами всегда. Мы познакомились, когда ему было десять, а мне – двадцать один год. И я стригла ему ногти, мыла голову, мучила сочинениями по русскому и неправильными глаголами в английском. Ребенок, родной. Тогда впервые, хотя уже родила Васю и Симу, я поняла еще одно состояние матери – когда сердце колотится как бешеное, а голова отключается и ты находишься будто в облаке. Ничего не соображаешь, поскольку испытываешь только животный страх за ребенка, детеныша.

Ванька на велосипеде пытался перепрыгнуть через ступеньки. Приземлился лицом в эти самые ступеньки. Вадик, его друг, позвонил мне – Ванька сказал, что так надо. Никому больше. За что хотелось оторвать ему голову. Я передала грудную на тот момент дочь мужу, свалила в пакет все, что находилось в домашней аптечке, и поехала соскребать сына с асфальта. Почему я? Муж был готов начать лактировать, но не мог видеть собственного сына с травмами. К тому же он не умеет водить машину. Я никак не могла найти нужный поворот – навигаторов тогда не существовало. Наконец нашла. Ванька действительно лежал лицом в асфальт. Трясущимися руками я залила его перекисью водорода, как смогла, промыла раны. Отлепила от асфальта и загрузила в машину.

В травмпункт мы ехали под крики мужа из телефона – про безответственное поведение Ваньки, про то, что Сима отказывается есть и плачет, а Вася не хочет без мамы делать английский. А еще про то, что покоя никогда не будет с этими детьми и он скоро сам сляжет с какой-нибудь невралгией.

– Мальчика моего посмотрите? – ворвалась я в кабинет врача.

– Заводите. Сколько лет ребенку? – спросила медсестра.

– Двадцать, – ответила я.

Медсестра застыла над тетрадью, куда заносила данные.

– А вы ему кто? – уточнила она.

– Злая мачеха! – рявкнула я.

Ванька подтвердил кивком.

– Мы только детей принимаем... вам надо во взрослый травмпункт... – опешила медсестра.

– Нет, нам не надо. Я клянусь, после осмотра накормлю его отравленным яблоком! – заявила я.

Ванька снова подтвердил кивком – точно накормит. Потрясенная медсестра убежала искать врача.

Нас приняли. Ванька зашел в кабинет, постанывая, охая и чуть не плача.

– Избили? Из-за девушки? – с надеждой спросила медсестра.

– На велике катался, – промямлил разбитым ртом Ваня.

Мы ждали результатов рентгена. Рядом на лавочке сидел мальчик лет восьми. Тоже с разбитым лицом.

– Подрался? – спросил мальчик Ваньку.

– Не-а, на велике.

– А я подрался. Из-за девочки. С другом, – вздохнул мальчик. – Понимаешь, я ее с первого класса люблю, а он только в этом году влюбился. А как ты на велике разбился?

– Прыгал через ступеньки.

– Зачем? – удивился мальчик.

– Просто так. У меня вообще-то нос может быть сломан. – Ванька начал раздражаться, что его никто не жалеет и не считает крутым.

– А я руку два раза ломал, – пожал плечами мальчик. – Один раз в детском саду, это не считается, а второй – в первом классе. Реально круто было – я левой рукой писал. А чё ты у врача орал?

– Больно же! – возмутился Ванька. – Зеленкой мазали! Еще и бинт отрывали! Почти с мясом!

– Да ладно тебе. Подумаешь, зеленка. Меня знаешь сколько раз зеленкой мазали? Раз тысячу. А ты из-за девочки на велике прыгал?

– Нет! Слушай, помолчи, а? – взмолился Ванька.

– Когда говоришь, не так больно. Мне бабушка всегда так советует. Я тебе помочь хотел, – обиделся мальчик.

Из рентгеновского кабинета вышла медсестра со снимком.

– Сломан? – с надеждой спросил Ванька.

– У тебя нет. Трещина. А у тебя сломан, – сказала она мальчику. – Не волнуйся, до свадьбы заживет, девушки будут любить.

– Это самое главное, – кивнул мальчик. – А ты это, как маленький. В следующий раз шлем надевай. И вообще ты уже взрослый, чтобы на велике по ступенькам прыгать. Бабушка говорит, всему свое время, – сообщил он Ваньке.

Тот еле удержался, чтобы не съездить мальчонке по носу.

Потом я привезла старшего домой и еще несколько дней кормила детской кашей двоих детей – дочь и старшего. Вася разглядывал раны брата, как боевые. И тоже решил, что все из-за девушки. Не просто так он лицом в асфальт приземлился.

* * *

И еще про любовь. И прошлое, которое будто вчера. Вася задерживался в школе. Телефон отключен. Я начала нервничать. Наконец сын появился в дверях – уставший, мокрый, но вроде бы довольный.

– И где ты был? – спросила я. – В футбол играл?

– Нет, мама, сегодня не до футбола.

– К Максy в гости заходил? – уточнила я.

– Что, у меня, кроме Макса и футбола, никаких других дел быть не может? Надоела мне мужская компания. Мы с Максом решили девочек до дома проводить, – гордо сообщил сын.

– И как?

– Хорошо. Сначала посидели на подоконнике, пока нас уборщица не прогнала. Потом на футбольное поле сходили – посмотрели, кто играет. Потом к Максy зашли – у него кошка должна котят родить. Мы проверяли. Еще не родила, но под диван уже не пролезает.

– Так, а при чем тут проводы девочек? – удивилась я.

– Ну, мы их так провожали, чтобы нам тоже было интересно.

– А кого провожали?

– Дашу и Аню, кого же еще?

– А ты кого конкретно?

– Не знаю. Но я нес Дашин портфель, хотя надо было Анин брать. Слушай, что эти девочки туда запихивают? Он такой тяжелый! – возмутился сын.

– Мне в школе один мальчик тоже портфель носил, – сказала я, расчувствовавшись. – До самого подъезда.

– А я только до своего донес. Надо было до ее дома? – удивился Вася.

– Ты что, донес до своего подъезда, отдал портфель Даше и сказал: «Неси дальше сама, я уже пришел»?

– Ну да. А что?

– Разве так девочек провожают? Какой кошмар! – воскликнула я.

– Это не кошмар. Вот Максy совсем не повезло. Аня же далеко живет. Ее мама на машине привозит. Представляешь, Макс с Аней шли по тротуару, а ее мама ехала за ними на машине! Я вообще-то решил, что с этими девочками мне пока неинтересно. Они в футболе не разбираются и не знают, откуда котята берутся!

* * *

Вася, на тот момент подросток, провел майские праздники у бабушки на даче. Когда бабушка устала стирать ему одежду после выездов на квадроцикле по окрестностям, кормить не одного внука, а пятерых мальчишек – Васиных друзей, которые, несмотря на большую занятость, не пропускали обеды и ужины, – она решила дать внуку задание. Покрасить лавочку. Выдала кисточку, банку с краской и ушла в дом отдыхать. Иногда она выглядывала в окно проверить ход работ и видела мальчишескую спину, склоненную над скамейкой. Потом бабушка задремала и проспала целый час. Вышла во двор, чтобы «принять работу», – и каково же было ее удивление, когда увидела, что скамейку красит незнакомая молодая женщина.

– Здравствуйте, – сказала бабушка. – А вы кто?

– Меня Света зовут. Мы тут дом сняли на лето, около реки.

– Очень хорошо, а почему вы мою скамейку красите?

– Меня дочка попросила, Даша. Вы извините, что она вам ее испортила. Я сейчас быстро все докрашу.

Бабушка на мгновение решила, что впала в маразм и проспала не час, а год. Во всяком случае, вспомнить, как неизвестная девочка Даша успела испортить скамейку, она не могла.

Внук с друзьями и девочкой появились на участке как раз к ужину. То есть совсем не вовремя. Попытались сбежать, но было поздно. Оказалось, что Вася сначала доверил красить скамейку друзьям в обмен на десять минут катания на квадроцикле, а потом, когда они все накатались, встретили девочку Дашу, гулявшую в полном одиночестве. Даша оказалась умной да к тому же красивой. Пока мальчики строго по очереди катали ее на квадроцикле и следили по секундомеру, чтобы каждый катал положенное время и не больше, ее мама красила лавочку. Даша, рыдая, сообщила родительнице, что случайно испортила чужое имущество и теперь скамейку нужно починить и желательно покрасить. Мама Света не только прибила новую ножку к старой, никому не нужной лавке, но и раскрасила ее маками и ромашками.

– Ты что, Том Соьер? – поинтересовалась бабушка.

– Нет, я по любви, – ответил Вася.

* * *

Сыну Василию исполнился двадцать один год. Конечно, мне не верилось. Я – мать взрослого сына. Совсем взрослого. Умного и красивого. Отметил с семьей, потом уехал праздновать с друзьями. Чем отличаются отношения матери и взрослого сына? Теперь знаю. Мы обсуждали, какого рода, то есть женского, мужского или среднего, в русском языке виски, бренди, капучино и шампанское и почему. Кажется, еще совсем недавно, буквально вчера, я объясняла ему разницу между причастными и деепричастными оборотами. Написал в сообщении «по итогу», хотя обычно даже запятые специально для меня расставляет. В ответ я обещала от него отречься. «В итоге!»

«Прости, я спал», – написал сын. «Это должно быть внутри! – ответила я. – И почему ты сбросил мой звонок, кстати? Крайне невежливо по отношению к матери!» – «Я думал, ты будильник», – честно ответил сын.

* * *

Дети... Когда за них можно перестать волноваться? Никогда. Уже женился, родил своих детей, а все равно – ребенок. Мой супруг любит повторять, что будет работать до пенсии, причем до пенсии детей.

Старший, Ваня, уже был взрослым человеком, мужем, отцом. И он, в отличие от всех нас, всегда откликается на сообщения своего отца, будь то фотографии уток на пруду или красивого заката. А тут вдруг не ответил. И на звонок тоже не ответил.

– Имеет право, пятница, – хмыкнула я, когда муж собирался от волнения походить по потолку.

– Ну и что? Он уже два часа не в сети. Я проверял по всем мессенджерам. – Муж все-таки решил сделать кружочек по потолку.

– Взрослый человек, – пыталась я воззвать к разуму.

– Может, его жене позвонить? – продолжал беспокоиться муж.

– Ага, а заодно и теще с тестем, чтобы уж наверняка. Отстань от человека.

Но мой муж обладает просто великим талантом накрутить себя, а заодно и всех, кто находится рядом. Спустя два часа он своего добился – я начала волноваться. Вдруг действительно что-то произошло, а я сижу и не волнуюсь. Может, Ваньке действительно требуется помощь?

– Хорошо, я ему позвоню, – решила я.

Если я звоню или пишу кому-нибудь из детей, те отвечают сразу же, всегда, даже если находятся в коме. Потому что я их беспокою только в экстренных случаях. Но и мне Ваня не ответил.

– Вот! Я так и знал! Где его теперь искать? – Муж уже активно наматывал круги по потолку и заламывал руки.

– Где он был в последний раз? – уточнила я.

– На работе! Где же еще?

– Значит, искать надо на работе.

Иван тогда трудился в министерстве. И кто бы сомневался, что мой супруг через знакомых знакомых дозвонится аж до министра. Министр в пятницу вечером ничего не понял, но дал указание секретарю разобраться. Секретарь позвонила коллеге, та своей коллеге, и наконец выяснилось, что один отдел решил устроить вечеринку по случаю дня рождения своего начальника. Но больше никакой информации. Коллега коллеги на связь не выходила.

Тогда я написала сообщение Ване. «Котенок, привет. Ты где? Я волнуюсь».

Нельзя сказать, что текст писала как-то специально. Поскольку я тогда была матерью маленькой девочки, то есть Симы, имела полное право написать «котенок». Могла с тем же успехом написать «малыш» или «зайка», как часто обращалась к детям – мой круг общения в то время ограничивался детской площадкой и песочницей.

Как позже выяснилось, именно на это сообщение, проигнорировав все остальные, отреагировал Ванин коллега Александр. Приложив палец бездыханного Вани, употребившего лишнего, он разблокировал телефон.

«С Ваней все хорошо. Он спит», – написал мне Александр, решив, видимо, что я... точно не жена. Тем более что фотография у меня на аватарке очень знойная, многолетней давности.

«Александр, это Ванина мачеха. Не могли бы вы вызвать такси и отправить его по адресу...» Далее следовал наш адрес.

Александр, кажется, не ожидал такого развития сюжета, но ровно через полчаса Ванино тело было отгружено и доставлено.

* * *

В моей семье давно привыкли к тому, что я иногда делаю странные вещи – перекрашиваю кухню, меняю обивку на стульях, могу перевесить люстры во всем доме. Но тут супруг поднял от удивления бровь. Я плевала на простыню, по старинке, как делали наши мамы перед глажкой, когда не было отпаривателей, и старательно ее мяла.

– Может, ты хотела ее погладить? – уточнил супруг.

– Нет, мне нужно ее смять!

Ну надо так надо. В воскресенье рано утром я металась по квартире, упаковывая корсет, ночнушку и еще кучу вещей.

– Ты уезжаешь? – вежливо поинтересовался муж, сверяясь с домашним еженедельником, куда мы записываем планы.

– Нет, у меня фотосессия. Буду фотографироваться голой! – ответила я.

– Тогда зачем тебе столько вещей, если голой? Попрошу Васю, чтобы помог тебе погрузить в машину. У меня рабочий эфир. Вася! Помоги маме погрузить вещи, она едет на голую фотосессию.

Обожаю своих мужчин. Они не реагируют на прилагательное «голая», но всегда готовы помочь.

Потом, во время съемки, я старательно упаковывалась в простыню, но Катя, моя подруга – фотограф, близкий по духу и вкусу человек, была недовольна.

– Надо было Еву взять, – заметила Сима, – тогда бы у тебя был нормальный взгляд, а не как обычно.

Мы, как всегда, решили совместить несколько идей и уложиться по времени. Тематически планы: мама с дочкой, Сима – красавица, я в смятой простыне. Обычно на фотосессиях присутствовала и дочка Кати Ева, на тот момент двухлетняя, что неизменно приносило в мой взгляд нежность.

– Сима, давай ты простыню поддержишь, взмахни ею. Нет, с другой стороны, а то у твоей мамы попа в хвост превращается, – командовала Катя.

«Еще раз наклеишь ресницы, я тебя стукну», – писала она мне после съемки. Да, я не справляюсь с наклейкой ресниц пучками и нашла для себя магнитные. Но не справляюсь со специальной подводкой – ресницы все равно торчат и стремятся к переносице.

– А как твои родные реагируют на такие фото? – спросила подруга.

– Сын сказал «хорошо», муж сказал «угу», Сима устала трясти простыню.

– Зачем тебе такие фотографии? Для мужа? – спросила еще одна подруга. Нет, для себя. Я точно знаю – нужно позволять себе делать что-то только для себя. Что угодно! Ну и мять простыню, пытаться застегнуть корсет, рискуя получить вывих руки, – это как минимум весело.

* * *

Кстати, про магнитные ресницы. Это просто спасение! Во-первых, безопасно – они не отлепляются, как наращенные, вместе с родными. Держатся долго, можно использовать многократно. Конечно, я их беру в поездки, где мне предстоит выступления, а времени поправить макияж точно не будет. Есть места, когда ресницы вовсе не требуются. Где солнце светит так ярко, что кожа сама разглаживается, ресницы удлиняются, а губы вдруг становятся припухшими. А есть места, где без ресниц не обойдешься. Потому что губы замерзли и превратились в ниточку, лицо отчего-то стало серым, а синяки под глазами – как у панды. Вот однажды я оказалась в том месте, где макияж не казался лишним даже с утра. На улице – минус тридцать пять градусов. Я собиралась в гостиничном номере. Клеила ресницы и вдруг поняла, что не знаю, как они себя поведут при столь низких температурах. Но у меня же есть сын-физик! А он-то все должен понимать про магнетизм, пусть и на ресницах. Вдруг они начнут отмагничиваться вместе с глазами? Или, наоборот, примагнитят меня так, что я глаза не смогу открыть? Рисковать я не могла. Позвонила сыну.

– Васюш, привет. Прости, что рано. Ты не знаешь, случайно, как магнит реагирует на низкие температуры? – спросила я.

– Мам, у тебя все в порядке? – Сын явно еще спал и не собирался просыпаться.

– Нет, у меня ресницы магнитные, – ответила я. Но сын молчал.

– Ты там спишь, что ли? – возмутилась я.

– Мммм.

– Так что с магнитом?

– Зависит от многих факторов, – пробормотал сын.

– От каких, например?

– Мам, в твоем случае поможет только эксперимент.

– Я не могу проводить эксперимент на себе! У меня одна встреча за другой! И вообще, что ты имеешь в виду под «в твоем случае»? Намекаешь, что я гуманитарий и ничего не понимаю в физике?

– Хрррр...

Магнитные ресницы, если что, не примагничиваются, они просто примерзают. Проверила на себе.

* * *

Ну честное слово, ничего не меняется, а повторяется. Разница лишь в масштабах. Вот прочла недавно новость – шарики-сердца, вывешенные для украшения в Третьяковском проезде ко Дню святого Валентина, сдулись. Пришлось снять. Но скоро повесят новые. «Физика – это жизнь», как говорит Вася, цитируя Аристотеля. Доказательства прилагаются. Бабушка повезла трехлетнюю Симу в подмосковный детский магазин недалеко от дачи. Сделала широкий жест и сказала:

– Выбирай.

Сима, впервые в жизни оказавшаяся в таком большом магазине, опешила. Бабушка показывала ей говорящих кукол, лошадок, которые ржали, если потянуть за хвост, и попугаев, кричавших на весь зал. Сима готова была заплакать, как и бабушка, которая не знала, чем порадовать пугливую внучку. На помощь пришла женщина-консультант, предложившая бабушке купить обычный воздушный шарик. Можно большой, с дельфинами или с принцессой. Сима была счастлива. Они вышли из магазина, дошли до машины, и тут бабушка увидела, что шарик сдулся. Она решительно взяла внучку за руку и пошла назад. Женщина-консультант покорно надула шарик газом еще раз. Бабушка опять дошла до машины и опять увидела, что шарик недостаточно надут.

– Пошли назад к этой тете. Она подсунула нам бракованный шарик! Мы другой купим, – объявила бабушка и забрала шарик. Сима не хотела идти назад к тете и не собиралась расставаться с шариком. Поэтому зарыдала. В магазин ворвалась разъяренная бабушка, тащившая за руку плачущую внучку. Бабушка требовала расплаты за слезы ребенка.

– Женщина, успокойтесь, что вы кричите? Шарик новый, не бракованный, – ласково увещевала ее женщина-консультант. Бабушка требовала администратора и директора, которые уже прибежали на рев и крики. Бабушку они знали прекрасно, поскольку с директором она играет в шахматы, а сын администратора периодически работает у нее личным водителем. Понятно, на чьей стороне была правда.

– Это же физика. Школьная программа, – чуть не плакала продавец-консультант.

– При чем здесь физика? – удивились бабушка, директор и администратор.

– Шарик от холодного воздуха сдувается, а в теплом помещении опять надувается, – объяснила консультант. И действительно, шар опять приобрел нормальные формы. Из магазина бабушка вышла не только с шариком, но и с набором юного физика для внучки. А девушка-консультант так ничего и не поняла – только что ее грозились уволить из-за этой странной женщины, но благодаря ей же произвели в старшие продавцы.

* * *

К слову, о физиках и лириках. Мы с мужем – лирики, наши дети – физики. А еще математики. Не знаю, как уж так получилось и за что нам выпало такое счастье. У Васи появилась девушка, тоже физик. Выпускница МФТИ. Мамы мальчиков-физиков меня поймут.

– Васюш, она очень умная? – спросила я.

– Очень.

– Тогда не знакомь нас с ней пока. Нам с папой надо как-то подготовиться, – попросила я, гадая, какую книгу взять для подготовки и как быстро смогу усвоить материал. Пока мне светил только учебник по физике дочери за седьмой класс.

– Мам, я могу с ней познакомиться, – объявила с явной угрозой и ревностью в голосе Сима. – Справлюсь, не волнуйся.

– Васюш, считай, что я уже одобрила твою девушку и полюбила ее всем сердцем. Но как ты будешь разбираться со своей сестрой, не знаю, – заметила я.

С девушкой мы познакомились. Я хлопала теми самыми магнитными ресницами, увлажненными слезами счастья, молчала и улыбалась. До этой встречи я была убеждена, что родила гения. Во время разговора с избранницей сына поняла – мой мальчик обладает весьма средними умственными способностями. Поэтому оставалось молчать и улыбаться. Мне кажется, я буду прекрасной свекровью.

* * *

Мы уехали на неделю отдыхать. Сын оставался сдавать экзамены. Предупредил, что, возможно, будет жить с девушкой, пока нас нет. Но в нашем доме личная жизнь невозможна. Как-то я уезжала в командировку в пять утра, и меня видели сосед и две соседки. Спрашивали потом, как я съездила. Вернулась домой за полночь – отмечали день рождения подруги. Опять все видели и спрашивали, почему так поздно вернулась. Так что, когда мы вернулись из отпуска, консьержка тут же сообщила, что Васина девушка – копия мама. То есть я.

– В каком смысле? – уточнила я на всякий случай.

– Маленькая, худенькая, хорошенькая! – ответила консьержка. – И интеллект на лице за километр виден! Умная! Очень! Вот как Андрей Владимирович!

Андрей Владимирович – мой муж. Он всегда по имени-отчеству, я всегда Маша.

– То есть у меня на лице интеллект не виден? – обиделась я.

– Виден, конечно, – заверила консьержка. – Но не так сильно, как у них!

Вася сказал, что они в основном сидели дома, к экзаменам готовились. Один раз выползли в парк погулять.

* * *

Знакомство состоялось в Питере. После моей встречи с читателями. Я нервничала. Вот почему не в книжном магазине в Москве, где всегда полный зал, или на фестивале на Красной площади, где тоже всегда много читателей? Там бы я подтвердила звание популярной писательницы. Знакомство с Факерами? Нет, хуже. Поезд, мое выступление, обещавшее оказаться провальным, ужин с близкой подругой семьи, считающейся названной тетюшкой – она Васю знала с рождения. Я гадала, в какой момент приклеить ресницы – сразу или уже по приезду? На один глаз приклеила, на второй не хватило времени. Так и ходила – тяжело хлопая одним глазом. А вдруг Вася с девушкой придут на мою встречу с читателями и я растеряюсь? А вдруг в последний момент Вася передумает нас знакомить? А вдруг... Этих «вдруг» за четыре часа в поезде у меня накопилось с избытком. Подруга заказала столик в ресторане «Счастье» и произнесла трогательную речь – мол, пусть счастье сопутствует молодым. Тут меня чуть не стошнило. Однажды я была на свадьбе, где жених с невестой познакомились в самолете. Им все говорили: «Сами небеса соединили вас».

После встречи, на которой было всего двенадцать человек, а не семьдесят, как планировалось, и которая закончилась на пятнадцать минут раньше, я хотела только выпить, и побыстрее. Добежали до ресторана. Коктейль я опрокинула, как рюмку водки. После этого улыбалась и молчала. Вася сказал, что девушке я понравилась – очень милая. А папа – очень умный. Знакомство прошло хорошо.

Потом Вася был приглашен в семью девушки, накормлен завтраком и признан интеллигентным мальчиком. После чего честно проиграл девушкой младшей сестре, первоклашке, во все логические настольные игры, и та его тоже одобрила.

Так что я счастлива. Физики – они другие. Главное, что они очень умные. А когда есть мозг, за остальное и волноваться не стоит. Всегда можно договориться.

* * *

Вообще, у нас прекрасное общение с Василием. Он неизменно лаконично отвечает на поставленные вопросы. Например, отец ему пишет: «Как дела?» Вася отвечает: «Хорошо». Тогда муж идет ко мне, просит написать Васе и спросить, как у него дела. Мне сын обычно отвечает чуть более подробно, поскольку знает мою слабость к распространенным предложениям. Пишу: «Как дела?» Приходит ответ: «Все хорошо».

* * *

Наш отец семейства любит отправлять всем родственникам утренние пейзажи: уток на пруду, восход солнца, птичек и белочек. Каждое утро он бежит в парке, возвращается бодрым, свежим и активным. Мы с Васей просматриваем уток и белочек ближе к обеду. Когда отец семейства уезжает по делам, он бомбардирует нас с Васей сообщениями: «Вы встали? Вы уехали?» Будто если мы с сыном куда-нибудь не пойдем, то все. Что именно «все», мы на всякий случай не уточняем.

С Симой таких проблем нет – она, как и ее отец, тоже все время куда-то идет или едет. Обычно они вдвоем едут на выставки, идут на прогулку в парк в выходной день непременно до одиннадцати утра, иначе будет поздно. Для чего поздно, я боюсь спрашивать.

«Вася поехал в университет?» – пишет мне муж с утра. «Да, конечно», – отвечаю я, глядя в телефон одним глазом и переворачиваясь на другой бок. «Мама уехала по делам?» – пишет муж в то же самое время сыну. «Да», – отвечает Василий и переворачивается на другой бок. Мы встречаемся в коридоре ближе к двенадцати. Сонные, в пижамах.

– Ой, ты дома? – удивляюсь я.

– Ты тоже дома? – удивляется сын.

– Я папе написала, что тебя нет.

– И я написал, что тебя нет.

– Пап, они опять спали до обеда! – возмущается Сима, докладывая отцу обстановку в доме. По качеству заправленной кровати она может определить время пробуждения, хотя я умею за час переделать домашние дела, требующие как минимум трех. – Надо с ними что-то делать! Они совершенно выбились из режима!

* * *

Вася уже живет отдельно со своей прекрасной и умной избранницей. Супруг поехал в командировку, и сын должен был к нему приехать вместе с девушкой. Получаю сообщение: «Кажется, у нас пополнение». За секунду представила себя будущей бабушкой. Успела мысленно упасть в обморок, очнуться, порадоваться, начать вязать детский плед и пинетки. Вспомнила, что на балконе стоит ящик с самыми ценными детскими игрушками, оставшимися с того времени, когда Вася был младенцем. И под Симиной кроватью лежат ее детские вещички. Когда я думала, что надо бы перестирать и перегладить с двух сторон стопку пеленок, которые держу на всякий случай – к нам иногда приходят гости с младенцами, – муж прислал фотогра-

фию игрушечной собаки, сидящей на диване. Копия я в тот момент. Лохматая, с выпученными глазами, точно ку-ку по виду. «Как увидел ее, понял – наша, – написал муж. – Как назовем?» – «Кукусик».

Муж вообще любит привозить мягкие игрушки, вызывающие слезы сострадания. Поросята со взглядом щеночка или котенка, которого хочется накормить, помыть и вычесать. Впрочем, к куклам дочь всегда была равнодушна. У нее вся комната завалена мягкими игрушками, которые вызывают только одно чувство – взять на ручки, как живых, и не выпускать никогда.

* * *

Ева все еще считает детский сад адиком. Несмотря на усилия воспитательницы, малышка отказывается спать в кровати. Мама Катя уже принесла постельное белье с изображением героев мультфильма «Щенячий патруль» – Ева спит только на таком. Правда, из-за этого теперь вся группа хочет спать на щенячьем патруле, а на другом белье отказывается. Родители в чате обсуждают, где купить и как быстро доставят. А то тихий час превращается в очень громкий. Дети к тому же норовят залезть в кроватку к Еве, чему та, конечно же, не рада. Сама не спит в кроватке и другим не дает полежать, охраняет. Катя тоже не рада, что так все получилось. Только разобрались с бельем, как возникла новая проблема. Катя в попытках перевести дочь в кровать стала приносить из дома детское пюре, чтобы Ева могла съесть его перед дневным сном, как привыкла делать дома. И вся группа тоже требует детское пюре, причем цвет крышечек имеет принципиальное значение. Если у Евы зеленая, то и у других должно быть пюре непременно с зеленой крышечкой. Родители в чате опять в панике и собираются оптом закупать пюре с одинаковыми крышечками на всю группу. Катя делает вид, что вообще ни при чем. Ева же, разогнав желающих полежать в ее кровати, отправляется спать на диванчик, стоящий в коридоре. Диванчик предназначен для сидения, а не для сна, так что Ева спит сидя. Воспитательница места себе не находит. Катя говорит – пусть спит, где хочет. Но теперь и другие члены детского коллектива желают спать на диванчике. Ева оказалась лидером, который может повести за собой целую группу в прямом смысле слова. Если она сидит и отказывается танцевать танец утят, остальные дети усаживаются на стульчики и танцует одна воспитательница. Если Ева соглашается пойти на прогулку, надев сразу две шапки – основную и запасную, то и остальные дети хотят гулять в двух головных уборах.

– Харизматик, – восхищается измученная воспитательница.

– Деспот, тиран и манипулятор, – отвечает измученная мать.

* * *

Ева все же согласилась спать в отдельной кровати. Но одеяло решила забрать из родительской. Кате пришлось ехать покупать новое. Старое одеяло Ева забрала вместе с пододеяльником – машинками из мультфильма «Щенячий патруль», чему Катя была только рада. Но постельное белье, имеющееся в продаже, не подходило – то размер не тот, то расцветка. Катя решила посмотреть в интернет-магазинах, а пока достала белье, подаренное свекровью на свадьбу, – кипенно-белое, с рюшами по простыне и пододеяльнику. Настоящий свадебный комплект. Катя, ругаясь про себя на тех людей, которые придумали дарить молодоженам комплекты белья, да еще непременно белые и с рюшами, застелила. В спальню вошла Ева и застыла на пороге от восторга.

– Принцессино! – воскликнула она.

– Ева, ты любишь собак, а не принцесс, – напомнила Катя, подозревая худшее. Что и случилось – Ева передумала спать отдельно и вернулась в родительскую кровать.

* * *

В магазине, пока искала постельное белье, Катя прошла мимо витрины нижнего белья. А там все комплекты сплошь в пайетках, рюшах, многочисленных перевязках и прочей красоте. Она позвонила своей подруге – тоже многодетной матери.

– И вот кому это? – возмущенно спросила Катя.

– Тому, кто не спит в одной кровати с ребенком, – ответила подруга, которая тоже никак не может отселить из родительской спальни маленького сына.

* * *

Разговаривала со знакомой, рано ставшей бабушкой. Внучке Нике – четыре года. Бабушка иногда забирает ее из садика. Пришла в очередной раз. Ника сидит в короне принцессы.

– Наша что, принцесса или уже королева? – пошутила бабушка.

– Ой, Никочка пока корону не наденет, в группу не войдет, – объяснила воспитательница. – Мы не сразу догадались, почему она в раздевалке сидит. Думали, по маме скучает. А потом разобрались: как только корону Нике на голову прицепим, сразу заходит, разрешает только на дневной сон снять. Другим девочкам мы косички плетем, а Никочке – корону прикалываем. Но уже наловчились. Хорошо держится.

* * *

– Бабушка, я замуж выхожу, – объявила Ника.

– Поздравляю. И что нам делать?

– Как что? Платье покупать!

– А жених-то в курсе?

– Когда платье будет, согласится, – строго заверила бабушку Никочка.

* * *

Любовь случается не только в четыре года, но и в восемьдесят два. У меня есть давняя поклонница. Прекрасная женщина, только очень активная. Каждый день – театры, музеи, авторские встречи. Анна Михайловна в свои восемьдесят два не умеет и, главное, не желает проводить вечера дома. И уж тем более спокойные. Ей нужны эмоции, впечатления, волнения. Она пришла на очередную мою встречу с читателями.

– Анна Михайловна, рада вас видеть! – обрадовалась я. Моя поклонница пропустила уже две встречи, чего с ней никогда не случалось.

– Ой, прости, семейные проблемы, – отмахнулась Анна Михайловна.

– Что-то со здоровьем? С супругом?

Анна Михайловна давно отметила золотую свадьбу, и всего год оставался до бриллиантовой. Шестьдесят лет вместе. А бриллиантовая свадьба означает, что ничто не может расторгнуть брак, кроме смерти. Только не в случае Анны Михайловны. Пока дети, внуки и правнуки обсуждали, как отметить юбилей, Анна Михайловна решила развестись. Что и сделала. Не только муж остался с вывихом челюсти от неожиданности, но и дети и даже внуки.

– Как? Что случилось? – ахнула я, рискуя тоже остаться с надолго отвисшей челюстью.

– Понимаешь, я его разлюбила, – тихо сказала Анна Михайловна.

– Да, понимаю, – проямлила я.

– Я знала. Ты ведь писатель, не то что мои... – Анна Михайловна имела в виду непонятливых родственников.

Когда я рассказываю какую-нибудь историю про мою маму и все смеются, я замечаю, что это смешно, если речь идет не о вашей маме. Так и Анна Михайловна. Это забавно, если речь не идет о ваших родителях, проживших вместе шестьдесят лет, и вдруг восьмидесятидвухлетняя мама разлюбила восьмидесятидвухлетнего папу.

После развода Анна Михайловна под страшным секретом попросила старшую внучку установить ей на телефон приложение, где можно найти пару. Пара нашлась на удивление быстро – очень даже приятный вдовец, который, к огромному удивлению родных Анны Михайловны, сделал предложение после первого свидания. Дети и внуки предупреждали: альфонс, аферист, охотник за недвижимостью, возможно, маньяк. Но Анна Михайловна всем назло сказала возлюбленному «да».

– Почему? – ахнула я, увидев ее на очередной встрече и услышав продолжение истории.

– Понимаешь, мне почти шестьдесят лет никто не делал предложения! – немного экзальтированно воскликнула Анна Михайловна.

– Вы же были замужем! – напомнила я.

– Ну и что? Кого это когда останавливало? – искренне удивилась Анна Михайловна.

– И что, точно выйдете замуж? Может, сначала проверите свои чувства? – Даже я начала беспокоиться за невесту, столь стремительно ответившую согласием.

– Деточка, ты забываешь, сколько мне лет. У меня нет времени на проверку. Выйду замуж, там разберемся, – кокетливо хохотнула Анна Михайловна.

– Подождите, вы имеете в виду стерпится – слюбится?

– На стерпится тоже нет времени! Так что сразу слюбится! – объявила она и убежала навстречу счастью. Я все так и сидела с отвисшей челюстью.

* * *

Современные дети понимают больше, чем мы в их возрасте. Они следят за новостями и умеют создавать петиции. Вот семиклассница Лера составила петицию против учебы и отправила ее одноклассникам. Лера выступала не против конкретного формата – дистанционного или очного, а против учебы в принципе. Петицию «не хочу учиться, хочу жениться» подписали пока всего пять человек, но Лера не теряет надежды.

* * *

Когда биологичка назвала Милану – свою, между прочим, любимицу, Мариной, а Кирилла, который регулярно устраивает на уроках биологии уроки зоологии, принося в класс лягушек, червяков, опарышей, пол-урока называла Степаном, дети заволновались. Когда биологичка дала детям проверочный тест за девятый класс вместо седьмого, который они прокомментировали в чате смайликом – лицо, закрытое рукой, – семиклассники поставили диагноз: постковидный синдром. Потеря памяти, дезориентация в пространстве. Сообщили классной руководительнице. Та пошла к завучу, завуч вызвала биологичку, биологичка вместо завуча отправилась к директору, которая собиралась сделать экспресс-тест. Не то чтобы тайно, но так, для собственного успокоения. Тест сделали биологичке. Тот показал две полоски.

– Вот почему на тесте на беременность тоже две полоски? И на этом – тоже две? Почему положительный результат измеряется двумя, а не тремя полосками? Или одной? – спросила у самой себя биологичка.

Директриса в легком замешательстве посмотрела на учительницу – та ей в матери, конечно, не годилась, но и возраст фертильности у нее давно прошел.

– Вам нехорошо? – уточнила директриса.

– Да, мне нехорошо, – подтвердила биологичка. – Надо рыб детям подготовить для лабораторной. Живых. А меня мутит. Вот как при первой беременности. Вообще на рыбу смотреть не могла.

– А я мясо не могла есть. Особенно свинину. Муж свинину любил, отбивные, – вспомнила директриса. – Вы идите домой. Хорошо?

– Хорошо. Пойду. А как же рыбы? – уточнила биологичка.

– Рыбы подождут, – заверила директриса.

– Да, рыбы подождут.

Выходя из кабинета директора, биологичка обратилась к Симе – дети стояли и переживали за педагога.

– Сонечка, присмотри за рыбками. Не перекармливай. – Она погладила Симу по голове.

Тут уже Симе стало плохо. Она рыб панически боится. Наш поход в океанариум когда-то закончился, едва начавшись. Дочь пулей пронеслась по первому залу и так же пулей вернулась. Я пошла просить, чтобы нас выпустили не там, где положено.

– Зайка, там же еще акулы! – воскликнула женщина-администратор.

Сима позеленела от ужаса, закатила глаза, и нас тут же провели к выходу. Зайцев и кроликов, кстати, она тоже боится.

* * *

Многие родители сейчас работают дистанционно или вовсе сменили работу. Дети переезжают в другие районы или в другие города. Из Симиного класса уехал Ваня, куда-то под Архангельск. Ваню любили все учителя. Он был похож на знаменитого шеф-повара, которого часто показывают по телевизору. Такой же большой, разве что без бороды. И готовить Ваня очень любил – приносил одноклассникам и учителям печенье собственного приготовления, делился рецептами соуса для мяса. У Вани и прозвище было соответствующее – «шеф». Если он что-то спрашивал или просил, ему все отвечали: «Да, шеф».

Ваня ушел из школы по семейным обстоятельствам, как принято объяснять то, что долго и незачем объяснять. Но спустя полгода вернулся – далекая школа оказалась совсем слабой, да и Ваня не хотел чувствовать себя вундеркиндом. К счастью, родители смогли найти разумный вариант и вернули Ваню в родную школу.

– Ой, дети, у меня какой-то день сурка, – призналась учительница английского, увидев Ваню на привычном месте. – Мне кажется, я опять вижу Ваню.

– Да, я вернулся, – ответил мальчик.

– In English, please, – попросила на автомате учительница, как делала всегда, когда разговор велся на русском.

– I am back, – ответил Ваня, переводя фразу из «Терминатора» в настоящее время.

– Да, можно сказать и I came back или I've returned, – опять же на автомате сказала англичанка.

– Ох, дети, что-то у меня сегодня с головой, – призналась учительница географии, увидев Ваню. – Давайте вы сегодня заполните контурные карты, а новую тему пройдем на следующем уроке.

– Вам плохо? – спросила всегда заботливая Лиза.

– Да, что-то в глазах двоится и галлюцинации.

– Вы же переболели. Так бывает. Частые последствия, – заметила Лиза.

Географичка несколько раз закрывала и открывала глаза, дышала в форточку, пила таблетки, часто моргала и дышала.

– Заканчивайте. Только тихо, – попросила она детей и ушла.

И лишь наша любимая преподавательница русского языка Елена Юльевна, которая учила еще моего сына, а теперь ведет русский и литературу у дочери, ничему никогда не удивляется. Если полетит вся школьная система, случится полный блэкаут, откажут все образовательные платформы, электронные дневники и прочее, Елена Юльевна все равно выставит всем оценки. Она все записывает в блокноты разных цветов для разных классов. Всех учеников помнит поименно. Все несданные сочинения, изложения, стихи наизусть и творческие задания в ее блокноте отмечены точками. Несколько несданных заданий превращаются в «двойку карандашом». Сданные отмечаются оценкой в кружочке.

Я прекрасно помню, как мой сын, сдавший ЕГЭ по русскому на девяносто восемь баллов, что считалось потрясающим результатом для физматкласса, ходил к Елене Юльевне уже после экзаменов и поступления в МГУ. Учительница требовала сдать «долги» – два стихотворения наизусть и одно сочинение. Елена Юльевна помнит не только нынешних учеников, но и их старших братьев и сестер. Насте она до сих пор каждый урок с укоризной напоминает, что ее старший брат так и не сдал сочинение по Достоевскому. Пусть уже напишет и сдаст. Настин брат окончил школу десять лет назад, но Достоевский вместе с Еленой Юльевной все еще его преследуют. Так что Ване учительница несколько не удивилась, а сразу поставила в свой блокнот несколько точек – надо сдать три стихотворения наизусть, написать сочинение и одну творческую работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.